

Борис Нестеренко

Стихи и Проза

*Литературный клуб Исеть
2021*

Борис Михайлович Нестеренко, Новосибирск

Родился в д.Шагирка Кыштовского района Новосибирской области 22 мая 1951 года. Закончил Свердловское суворовское училище (1970г.). Автор книг: "Кадетская душа"; "Слово верное"; "Всё будет хорошо"; "Тёплый дом" и др. Печатает свои произведения в порталах Стихи.ру, Проза.ру. Член Союза Писателей России.

НЕ ДОЖДЁТЕСЬ

«Когда умрёт последний русский,
Все реки повернутся вспять.
Исчезнет совесть, честь и чувства,
И звёздам больше не сиять».
(Влад Селецкий)

Когда умрёт последний русский
В обломках собственных идей,
Татарин выпьет без закуски
И протрезвеет иудей.

Хохол порежет крупно сало,
Чтоб под горилку помянуть
Народ, которого не стало,
Не жаль которого ничуть.

Когда умрёт последний русский
И память ряской зарастёт,
Страна исчезнет с песней грустной
Среди урманов и болот.

Зачем нужна она такая –
Без семижильных мужиков,
Без сердца, что за всех страдает,
Без песен, драк и матерков?

Когда умрёт последний русский
И слово русское умрёт,
То прилетит болид Тунгусский
И Землю в клочья разобьёт.

Зачем нужна Земля без сказок,
Любовь без тайны, боль без дна?
Не понимаю я ни разу,
Зачем такая нам она?

ЕЩЁ ПОЖИВЁМ!

«Давно уже я убедился,
Что терпеливый мы народ,
И как бы враг не изловчился –
Последний русский не умрёт».
(Влад Селецкий)

Вы слишком много возомнили,
Друзей заклётых шумный рой,
О превосходстве над Россией
В грядущей сваре мировой.

А мы, бессмертные, по сути
Не убоимся ваших жал,
Когда на вас премудрый Путин
Разящий выковал «Кинжал»!

У Бога запись есть в грощбухе,
Что мы ответственный народ,
А вы промойте серу в ухе -
Последний русский не умрёт!

За умножение народа
Ещё возьмутся мужики,
А для смягчения породы
У Бога есть сибиряки.

Всё перетерпим и обрящем,
Уйдём за будущим вперёд,
И в одуревшем настоящем
Последний русский не умрёт!

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ

Оглушает нас гром,
Хлещут ливни стальные,
Под жестоким огнём
Мы стоим за Россию.

Нам друзей не найти
И союзников тоже,
Ни на шаг отойти
С рубежа мы не можем.

Поступиться нельзя
Нам правами своими -
Нас сдавали друзья
И союзники с ними.

Выпив чарку до дна
И собрав свои силы,
Биться в поле одна
Выходила Россия.

Выходила на бой
Свирепя медведя -
И гниют под землёй
Челубей и Редедя.

Мы сидим, ни гу-гу,
А пора бы нам, братцы,
Для отпора врагу
С сильным духом собраться.

Ополчилось на Русь
Сатанинское племя,
Беспросветная гнусь
И поганое семя.

Помолчим до поры,
Но однажды под песни
Заблестят топоры,
Зазвонят благовесты.

Всех злодеев – под нож,
Кровопийцев – на дыбу!
Но Россию не трожь,
Не буди эту глыбу!

Слишком долго народ
Горе горькое мыкал,

Голодал в недород,
Пропадал в недоимках.

За полушку служил
У французов и немцев,
С горя горькую пил
И кормил иноземцев.

Но довольно влачить
Нам судьбину уныло,
Пора косы точить
И насаживать вилы.

Избавленья не жди,
Не надейся на случай,
А в дружину иди,
Если ты ещё русич!

В куль припасы сложи,
Не скули и не охай,
А за Русь послужи
До последнего вздоха.

Постоим на краю,
Беды все переможем,
Даже если в бою
Буйны головы сложим.

До скончанья времён
Будут помнить нас люди,
Мы – последний заслон
И другого не будет...

Борис Нестеренко, Новосибирск
29. 11. 21

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Пишу друзьям вдогонку
Печальные слова,
На дальнюю сторонку,
В престольный град Москва.

Пишу, как Ванька Жуков,
Как Ленин молоком,
Передвигаю руку
Над чистеньким листком.

Частенько мне не спится
И позднею порой
Мне снятся не девицы,
А наш кадетский строй.

Не танцы-хороводы,
Не девичьи глаза,
А снятся мне походы,
Военная гроза.

Товарищи мне снятся
В начале славных дел,
С которыми в пятнадцать
Погоны я надел.

По паспорту – чужие,
По жизни – всех родней,
Служившие России,
Как матери своей.

Здоровые, живые,
Бесценный капитал,
С которыми впервые
Я дружбе присягал.

На дальнюю сторонку
Слова мои летят,
А я, как похоронку,
Читаю новый чат.

«... безвременно покинул...
Ушёл... оставил нас...» -
Печальная картина
Не радует мне глаз.

Кряхчу по-стариковски
И креслицем скриплю,

Я этот стиль поповский,
Признаться, не люблю.

Не вышел, не покинул
И не оставил нас,
А за Отчизну сгинул
Герой в смертельный час.

Не разменял, не предал
Ни Сына, ни Отца,
Как прадеды и деды,
Сражался до конца.

Читаю длинный список
Крушений и утрат -
Не стало коммунизма,
Но русский есть солдат!

Не отдадим на свалку
Достойных образцов –
Суворовской закалки
Советских пацанов!

Мы старого покроя
И серии одной,
Безвестные герои
Войны не мировой.

Но мы стояли насмерть
Весь лицемерный век,
И руку жал нам Кастро,
И целовал Генсек!

Промчались гулко годы
Прожорливой трубой,
Я плакал над народом,
Смеялся над собой.

Что было, то и сплыло,
Одно осталось мне –
Не причитать уныло
О «гибнущей» стране.

Смотрю на мир с надеждой
И твёрдо знаю я,
Всегда меня поддержат
Заветные друзья.

Они, конечно, рядом,
Всегда настороже,
Мундиры их в наградах
И песня на душе.

Хоть нескольких из списка
Я здесь назвать готов:
Романов и Борисов,
Ярков и Ермаков.

Шишков, Горбенко, Пешков
И Чазов, и Бычков
Дорогою нездешней
Идут средь облаков.

Живою чёрной массой
Шагают впереди
С Суворовым в запасе
И с «крабом» на груди.

Они – мои герои,
Они – моя семья,
За дружество такое
По гроб обязан я.

Мне словно соль на рану,
Продолжить этот труд,
Пусть даже графоманом
За это назовут.

И не понять, убогим,
Всем естеством своим,
Что, в принципе, немногим
Мы в жизни дорожим.

Известен список этот,
Но приведу и здесь:
Священны для кадета
Бог, Родина и Честь!

А дружба всё объемлет,
Как феномен любви,
И Бог её на землю
За други дал свои.

Я поздно это понял,
Уже на склоне лет,
И дружбу к небу поднял,
А выше – силы нет!

Пишу друзьям посланья
В далёкие края,
В них старые дерзанья
И молодость моя.

И если я хоть строчкой
Вам душу зацепил,
Я благодарен очень
И несказанно мил.

Таков финал рассказа
Про молодость мою:
Плюю я на заразу,
А вот друзей – люблю!

Борис Нестеренко, Новосибирск
25. 11. 21г.

ЭФФЕКТ «НАБЛЮДАТЕЛЯ»

Мир, в общем, состоит из пустоты,
Из ничего, запрятанного в нечто,
В нём ни уродства нет, ни красоты,
Добра и зла в нём тоже нет, конечно.

Взрываясь в абсолютной тишине
И ускоряясь с неким постоянством,
Устремлена Вселенная вовне,
Где мнимы масса, время и пространство.

И проникает в наши души страх,
Настолько мир таинственный огромен -
Мы только пыль в космических ветрах,
Мы плесень во вселенском этом доме.

Ах, как гордыня наша велика,
Как непомерны наши притязанья
Сложить картину мира на века
Посредством опыта и точного познания.

Все данные по полкам разложить,
Константы и энергию исчислить,
Всё объяснить и даже саму жизнь
К физическим явлениям причислить!

Мир создал случай? Или Божество?
И почему конечна скорость света?
Укутана здесь тайна в волшебство
И крепко опечатана секретом.

Зачем мы здесь и что такое «Я»?
Куда идём по перекрёсткам звёздным?
В какую даль стремится мысль моя
И множит бесконечные вопросы?

Наш мир – число, не более того!
Скалярные поля в его основе.
И вакуум творит из ничего
Весь этот мир от кварков до сверхновых.

Нет ни материи, ни времени, ни сил,
Есть только геометрия пространства,
Но кто так хитро числа все сложил,
Чтоб хаос обернулся постоянством?

От скрытой мощи вакуум бурлит
И рвёт причинно-следственные связи,

Но только Наблюдатель разглядит,
Что создан мир. И этот мир прекрасен.

Борис Нестеренко, Новосибирск

КОЛОКОЛ

Качнулось било – и грудь заныла,
Пронзил, как болью, гул колокольный.
Плывёт, тягучий, от кручи к тучам,
От колокольни к высотам горным.

Летит Россия под небом синим
На этом звуке да к Богу в руки.
Набравшись силы, расправив крылья,
Летит Россия ожившей былью.

Отринув скрепы, душой окрепнув,
Под звонким небом восстав из пепла,
Вздыхаем груди, купаясь в гуде,
Трудом и правдою живы будем.

Звонарь-кудесник на красном месте
Творит нам песню, что все воскреснем,
Что нет у рая конца и края,
Что мы душою не умираем.

Но как о рае мы не мечтаем -
Земля родная не отпускает.
Мы знаем точно – ни днём, ни ночью
Нет края краше сторонки отчей!

Борис Нестеренко, Новосибирск

НИЧЕГО НОВОГО

Памяти ушедших кадет,
покинувших нас суворовцев.

Живу, как будто снова я в пехоте,
А тротуары мне, как минные поля,
И новость, словно пуля на излёте,
В который раз ударила в меня.

И как бы от судьбы я не таился,
Не прятал за паролями друзей,
Мой старый друг ушёл и не простился -
Таких бы век не слышать новостей!

Но друг ушёл, и повторяется снова
Сердечные и горькие слова,
Ведь новость говорит о чём-то новом,
А смерть друзей давно нам не нова.

И с этим нам во век не примириться
И слов для оправданий не найти -
Нам не забыть друзей ушедших лица
И не жалеть о выбранном пути.

Тяжёлый год, ужасные потери
И наша поредевшая семья -
Нам чувства сохраняют на пределе
Ушедшие до времени друзья.

Уходят лучшие, надёжные, родные,
Такие, как Борисов Вячеслав,
Без страха и упрёка за Россию
И жизнь саму до капельки отдав.

Мы слышим их порой в житейском шуме
И видим, проникая вязь времён,
Кадетский Знак на траурном костюме
И знак судьбы - суворовский погон.

Я не пишу друзьям за грань посланий,
Чтоб их не потревожить невзначай,
Я им шепчу привычно «До свиданья»,
А слышу их последнее «Прощай!»

Борис Нестеренко, Новосибирск

ПАРАД 7 НОЯБРЯ 41 ГОДА

Расчёт "коробочки" парадной
Ушёл под пули и в снега,
Не получать ушёл награды,
А бить смертельного врага.

Добыть победу малой кровью
На этот раз не суждено -
Он лёг в сугробах Подмосковья
И стал с землею заодно.

И порастают к нам весною,
Шепча молоденькой листвою,
Непогребённые герои
Невероятной красотой.

Борис Нестеренко, Новосибирск

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Когда война окончится,
Оставлю все дела
И выйду за околицу
Уснувшего села.
Забыта и покинута
Уже четвёртый год,
Я буду ждать любимого,
Покуда не придёт.

Сельчане успокоятся,
Налив и закусив,
А мне, сказать по совести,
И самогон не мил.
Пригублю для приличия
Победные сто грамм,
В них радость непривычная
И слёзы пополам.

Я выйду за околицу
В ночную тишину,
Мне милый мой припомнится,
Ушедший на войну.
Он слал мне «треугольники»,
Всё спрашивал меня,
Как мы в тылу устроились,
Как дети и родня?

Меня в то лето суженый
Оставил на сносках,
Был раненый-контуженый,
Но выжил он в боях.
Я сокола отважного
До дома отведу,
Пока он не покажется,
С дороги не уйду.

Дождусь его, сердечного,
Мне ждать – не привыкать,
Пусть ордена советского
За подвиг не видать.
Звеня окрест медалями,
Войдём мы с ним в село, -
Заждался дом со спальенкой
Героя моего!
Борис Нестеренко, Новосибирск

НА РЕЧКЕ ЯЯ

Я сижу у речки Яя
И стихи читаю вслух,
Красота вокруг такая,
Что захватывает дух.

И пока стихи читаю
Я под звон хрустальных струй,
Убегает речка Яя
И впадает в речку Уй.

На пенёчке и в тенёчке
Хорошо сидеть вот так,
Сбросив радостно на кочку
Тесный городской пиджак.

Из воды торчит осока,
Словно лезвие клинка,
И, как лебеди, высоко
Проплывают облака.

Здесь легко мне и уютно,
И в кильватерном строю
Пусть послушают хоть утки
Декламацию мою.

Камыши стоят, как свечки,
Выше - ягодный букет,
Кисло-сладкая поречка
Красит губы в алый цвет.

Рыбка булькает в протоке,
Над водой жужжат шмели,
И ложатся складно строки
О красе родной земли.

Как прекрасно, в самом деле,
Что в запасе у меня
Кроме Ии, Яи, Еи
Есть Ояш , Тайлы, Иня.

Мне Сибирь, как тюркам Мекка,
Знаю я – в России всей
Нет богаче человека,
И счастливей нет людей!

Что мне годы и невзгоды,
Что болезнь и нищета,

Если есть ещё в Природе
Заповедные места?

Что мне быт полуголодный,
Что доплаты по рублю,
Если дышится свободно
Мне на Чёке и Ую?

И покуда край родимый
Терпит грешного меня,
Пусть течёт, как Яя, мимо
Жизнь по капельке моя...

Борис Нестеренко, Новосибирск

КАДЕТСКИЙ КРЕСТ

Настало время подводить итоги,
Осмыслить промежуточный баланс,
Задуматься у камня при дороге,
В чём мудрый Бог рассчитывал на нас.

Мы сказочных богатств не накопили,
Мы уцелели всем смертям назло,
И потому враги нас не убили,
Что с дружною нам в жизни повезло.

Мы выжили, прошли и уцелели,
Хотя была дорога не проста,
Помазанники огненной купели
И рыцари Кадетского креста.

Где нас по службе только не носило,
Чтоб не пришла великая война,
Но нам и самых малых войн хватило,
Чтоб нахлебаться кровушки сполна.

Усвоены нелёгкие уроки
Остужены коварные враги,
Давно прошли назначенные сроки
Вернуть die Ordnung на своя круги.

И пусть враги от бешенства косятся,
Пока мы живы – не уйдём с поста,
Послушники Суворовского братства
И витязи Кадетского креста.

Конечно, мы стареем понемногу,
Ослаблен взор, притух огонь в крови,
Но нет износа мужеству и долгу
И нет предела вере и любви.

А там придёт и смена молодая,
В затылок дышит юный комсостав,
Подать пример – задача непростая,
И нам её никто не отменял.

Даруй нам Бог не славу, не богатство,
Дай послужить хотя бы лет до ста
Строителям Суворовского братства,
Хранителям Кадетского креста!

Борис Нестеренко

01.06. Новосибирск

ЗНАК И КРЕСТ

Кадетский Знак и Крест кадетский,
Как мост меж вечностью и детством,
Как две заветные звезды,
Как два глотка живой воды.

И пусть привычно ноют раны,
Живут надеждой ветераны
Свою последнюю версту
Пройти по этому мосту.

Они так в юности отлиты
В горнилах воинской элиты,
Их долг, помноженный на честь,
Всегда сбивал с Европы спесь.

Пусть на груди наградам тесно,
Дороже этих не найти:
Знак выпускной и Крест кадетский
Сияют рядом на груди.

И нам другой судьбы не надо,
Мы за Суворова – горой!
Дороже серебра и злата
На Знаке выпускном герой.

И Знак, и Крест – единый символ,
Что Русь ещё накопит силы,
Что есть ещё в стране кадеты
И чтут Суворова заветы.

Других отличий нам не надо -
И Знак, и Крест сияют рядом,
Как отблеск солнца на груди,
Как свет надежды впереди...

Борис Нестеренко, Новосибирск
20.09.2021г.

НОТНЫЙ СТАН

Стоит пюпитр с партитурой,
В которой всё туманно нам,
Над нею в смокинге фигура
Внимает странным письмам нам.

По этим точкам и крючочкам
На разлинованном листе
Скрипач смычком рисует точным
Свой гимн небесной красоте.

Летят над зрителями ноты
От авансцены до небес,
А музыкант свою работу
Вершит, как чудо из чудес.

Он видит звук и слышит образ,
Законы физики презрев,
Он сам из нотных знаков собран,
Смычком молчанье одолев.

Скрипач читает партитуру,
Почти не глядя на неё,
Он погружает нас в культуру,
Преображая бытиё.

Струится музыка по залу
Из ниоткуда в ничего,
Да и была она сначала
Лишь звуком тона одного.

Но в нём загадку разглядели
Умы в житейской суете,
И о любви для нас запели
Те закорючки на листе.

Нашлись в учёных доброхоты
И в знаках выразили звук,
Чтоб воспевали мы по нотам
Единство чувства и наук.

Борис Нестеренко, Новосибирск

ПОКА ТЫ РЯДОМ

Самой лучшей жене

Пока дышу, люблю и верю,
Пока года не тороплю,
Любую вынесу потерю,
Любую боль перетерплю.

Пока приемлю жизнь как данность,
Не причитаю, не ропщу,
Пока не жду небесной манны
И оправданий не ищу,

Пока готов за всё ответить,
Пока прощать хватает сил,
Пока ты рядом, нет на свете
Цены, чтоб я не заплатил.

Пока ты рядом, груз не тяжек,
Понятен смысл и цель ясна,
И слово так, как нужно, ляжет,
И станет легче вдруг вина.

С тобою спор - одна забава,
Зачем нам спорить ни о чём?
Шагаю твёрдо я и прямо,
Твоё почувствовав плечо.

Твоя ладонь в моей ладони,
Как знак надёжного пути,
Пока ты рядом, я способен
Пешком всю землю обойти.

Пока ты рядом, жизнь прекрасна,
Не проиграть и не пропить,
И мне подумать даже страшно,
Что Бог нас может разлучить...

Борис Нестеренко, Новосибирск

ПАМЯТЬ

Ныряю в память, словно в омут,
В воспоминаниях тону,
Как будто можно по-другому
Мне жизнь прожить ещё одну.

Ах, память, память, ты награда
И наказание моё, -
Ты душу травишь мою ядом
И ты же лечишь мне её.

О, сколько тайн в тебе сокрыто,
И сколько спрятано потерь,
Ты и разбитое корыто,
И в юность сказочная дверь.

Ах, память, - горькая приправа
К повествованиям о любви
И молодецкая забава
За правду драться до крови!

И я в строю стоял когда-то,
И видел цель, и путь к ней знал,
Под алым Знаменем солдатом
Стране великой присягал.

Проходит жизнь бесповоротно,
Года меж пальцев утекли,
Как рана, в памяти народной
Одна шестая часть земли.

И это тоже моя память –
Война, великая страна,
И на граните, под цветами
Друзей ушедших имена.

Я помню их родные лица,
Их даже смерти не стереть,
Душа обязана трудиться
И за друзей должна болеть!

И пусть саднит в груди ночами,
И над строкой я душу рву,
Я связан памятью с друзьями,
Пока я помню – я живу...
Борис Нестеренко, Новосибирск

Дружбою живы

Нет равновесия в природе,
Нет справедливости и тут -
Друзья до времени уходят,
И долго недруги живут.

Зачем мне недруги и тати?
Я б обошёлся и без них,
Мне для души и друга хватит,
И дружбы хватит на двоих.

Пусть недруг рядом злопыхает,
Смогу я это пережить,
А если друг меня оставит -
Никем его не заменить.

Найти бы мне тетрадку эту,
Где даты вписаны в овал,
Я б к жизни каждого кадета
Лет полтораста приписал.

Но имена и сроки скрыты,
И на иные рубежи
Уходит верности элита,
Не дослужив, не додружив.

Нет равновесия в природе,
И справедливости в ней нет -
Несчастье, если друг уходит,
И трижды, если он кадет.

Уже не стиснуть ему руку,
Не заглянуть в его глаза,
Спасибо другу за науку
Не сможешь больше ты сказать.

Взмахнёт блестящею косою
Над другом старая карга,
И ты остался сиротою,
Добычей лёгкой для врага.

Друзья уходят, рвётся сердце
За ними в даль иных времён,
Оставив здесь лишь Знак кадетский
И алый с золотом погон.
Борис Нестеренко, Новосибирск

ПОД ЗОНТОМ

Идём мы рядом под зонтом,
 Не тесно нам под ним вдвоём,
 Пускай на нас под дальний гром
 Прольётся целый водоём!
 Идём под ручку мы с тобой,
 Степенно лужи обходя,
 Шумит над нами, как прибой,
 Стена осеннего дождя.

Не убоимся мы воды,
 Что барабанит по зонту,
 И наши общие следы
 Уносит с плеском в темноту.
 А мы шагаем под дождём,
 Вполне довольные судьбой,
 И просветления не ждём
 В свинцовых тучах над собой.

Залит водою тротуар,
 Плывут по улицам такси,
 В метро на выходе «базар»,
 Хоть со святыми выноси!
 Им из тоннеля – да под дождь,
 Косой, холодный с ветерком,
 Им вынь и солнечный положь
 Прогноз хотя бы на потом!

У них терпения ничуть,
 И пониманья ни на грош,
 Что осень им не обмануть,
 Не отменить последний дождь.
 А я под струй журчащий бег
 И в зонт ритмичное битьё
 Храню тебя, как оберег,
 И как сокровище своё.

Прощальный дождь пришёл в Сибирь
 На переломе октября,
 Веду тебя, как поводырь,
 Я через реки и моря.
 Сквозь изобилие воды
 И под одним зонтом вдвоём
 Домой до Чистой Слободы
 Мы, как две лодочки, плывём.

Борис Нестеренко, Новосибирск

ТРАКТОРНАЯ РАПСОДИЯ

Рассказ

Уже минуло четыре дня, как мы гостим у моей двоюродной, или, как у нас говорят, сродной, сестры Нели. Она на пару лет старше меня и так и не выбралась на жительство в город, оставшись в родной Бочкарёвке и выйдя здесь замуж за первого парня на селе и школьную ещё свою любовь Генку Лакетко. Неля с Геннадием живут душа в душу, народили двух замечательных пацанов и обустроили добротный дом и крепкое хозяйство.

Давно уже собирался я побывать на своей малой родине и, наконец-то, вырвался из душного и провонявшего мазутными запахами Новосибирска в родную сибирскую глубинку, в районный центр Кыштовку, прихватив с собой свою новую супругу Наташу и сынишку от первого брака 12-ти летнего Артёмку. Два часа лёта на двухмоторной чешской «Элке», промежуточная посадка в Барабинске – и мы на месте. На грунтовом аэродроме нас уже поджидал мой сродный, а Нелин младший брат Юра, помладше меня годами, но поглавнее по должности – секретарь Кыштовского райкома комсомола, приехавший за нами, соответственно, на новеньком служебном «Уазике».

Переночевали мы у Юры и рванули на этом «Уазике» в Бочкарёвку, поближе к моей малой родине. Давненько, лет десять не бывал я в этих краях, многое сильно изменилось: появилась новая дорога из райцентра до Бочкарёвки, туда стал ходить рейсовый автобус, заметно для глаз увеличилось число автомобилей. Погода прекрасная, разгар июля месяца, солнце печёт, из перелеска ветерком натягивает такие запахи разнотравья, что с непривычки кружится голова.

- А знаешь, Боря, - подал голос из-за руля Юра, - а ведь в твоей родной Шагирке уже давно никто не живёт, и домов уже не осталось. Лет пять содержали там летом отделение колхоза, телят откармливали, сено заготавливали, но всё на временной основе. А лет пяток, как там и отделение свернули. Ты слышал такое выражение – «бесперспективная деревня»? Башка у них бесперспективная – сначала закрыли школу, потом магазин с почтой, а потом хватились, перспективы нет! Пропала деревня.

Я в ответ только выругался. А что я мог сказать? Против лома нет приёма! Властям видней в смысле перспективы, а нас и не спрашивают. Не стало деревни, в которой я впервые осознал себя человеком, хоть и голопузым, но вполне самостоятельным. Не стало людского поселения, в котором я лет пяти от роду научился читать и в котором впервые пошёл на рыбалку и в школу. На рыбалку, конечно, раньше.

«Уазик» резво бежал по щебёнке насыпной дороги, на заднем сиденье Артёмка и Наташа громко восхищались набегающими видами первозданной тайги и цветочных полей, а мне от Юриных слов взгрустнулось и я, несмотря на лёгкую тряску, погрузился в воспоминания и почти что задремал от этого нелёгкого занятия.

Минут через сорок мы подъезжали к Нелиному дому. Сразу видно – дом справный, надворные постройки крепкие, люди здесь живут хозяйственные.

Юра посигналил, и из калитки буквально вылетели два пацана-погодка, беленький, как лён, и красненький, как огонёк. Беленький был постарше.

- Серёжа, Женя, людей не стопчите, - вышла за ними Неля, - с приездом, гости дорогие! Мы обнялись, расцеловались и стали проходить в дом. Сытые собаки во дворе поленились на нас даже головы поднять, и, лёжа в тени, только изредка вздрагивали всем телом, стряхивая обнаглевших мух.

Вот и добрался я с семьёй до Бочкарёвки. Здравствуй, Родина моя!

Встреча прошла по полной программе, с обниманиями, целованиями, с неприменными «а помнишь...» и с термоядерной самогонкой в 10-ти литровой бутылки, поднятой Геней из подпола. Я тогда, грешным делом, ещё «принимал на грудь» и принимал изрядно, как все. Время и место были такие – Советский Союз, год 1988-ой! Народ пропивал последние коммунистические иллюзии, а кремлёвская партократия, похоже, не представляла и в эскизе того магистрального пути, по которому можно было бы вывести государство из накопившихся проблем, неустройств и дефицитов.

Вечер выдался замечательный. Во-первых, с Артёмкой всё было «в ажуре», он и племяши мои по-быстрому сдружились, и уже через полчаса они выкатили на улицу старенький, грозно ревущий мопед и стали обучать моего городского сына премудростям езды на этом железном коне. Вот так сама собой решалась задача по деревенской, я бы сказал, реабилитации мальчишки, практически ничего не умеющего делать руками. Я за сына стал спокоен.

Ну, а, во-вторых, вечер задался гостями. И песнями! Конечно, многие мои сверстники и друзья детства разъехались, но ведь не все же! Пришёл первый гармонист на деревне Лёня Жеребцов, пришёл порезанный по пьянке заезжими ингушами Костя-библиотекарь и привёл с собой супругу Нину, Сидорову в девичестве, с которой я, будучи в суворовском отпуске после первого года обучения, ох как дружил! Никак мы с ней досыта нацеловаться не могли!

Были мои двоюродные дядьки по материнской линии, в том числе и дядя Коля Мищенко. О нём бы отдельно рассказать, всей своей жизнью он этого заслуживает, не человек, а песня.

Фронтовик-артиллерист с искалеченной ногой, он трудился за четверых. Он никогда ни дня не состоял в колхозе, единоличник, а, значит, все неудобья были его – заготовка дров в осиннике, покосы на болоте и в кочкарнике при полном отказе в выделении коня для вывоза накошенного из леса. Частник? Ну, и крутись, как знаешь. И он крутился, а ещё, единственный в округе, содержал пасеку и из отбракованного мёда ставил вкусную медовуху и выгонял из неё невероятный по качеству самогон. Теперь я бы сказал – наносамогон!

А как замечательно он пел! Вы же понимаете, что дело непременно дошло до песен, это вам не поп-культура! Не буду перечислять уже основательно забытые названия песен, но вот совершенно замечательно пелись за столом... украинские песни. Дело в том, что наши деды и прадеды осваивали эти сибирские края, будучи столыпинскими переселенцами в рамках государственной земельной реформы. И приехали они сюда, в основном, с Украины, тогдашней Малороссии, с Полтавщины. В застольном песенном репертуаре это ощущалось с удивительной красотой. Признаюсь, и я пытался подпевать землякам, но получалось что-то невразумительное.

Славно нас встретили! Утром я почувствовал это особенно чётко. Неля и Гена уже были на работе, а я с племянниками произвёл осмотр дома и хозяйства. Обнаружил в амбаре три сломанных телевизора.

- А нам их ремонтировать негде, - разъяснил мне старший племян Серёжка, - как ломается, мы новый покупаем!

И пока Наташа с подошедшей Нелей разбирались с платьями и кофточками из сумок и готовили завтрак, я отремонтировал два из трёх телевизоров, благо неисправности там были плёвые и легко устранимые. Я паяльник дольше искал.

- Неля, а как бы мне на родину съездить, в Шагирку? – спросил я благодарную за неожиданную помощь сестру, - туда хоть проехать можно?

- Можно, - ответила Неля, - вот Генка придёт с работы, с ним и поговори.

Ну, что ж, подожду, поговорю. Благо, есть, чем заняться – рядом моя ненаглядная

речка Чёка, за речкой смешанный лес с ягодниками и косачами, кормящимися сладкой лесной ягодой, а если углубиться в лес, то можно встретить и лису, и ласку, и даже Михаила Потапыча. Медведи, по Серёжкиным словам, в деревне уже всех достали!

- Борис, тут тебя дед Яков спрашивает! – раздался со двора Нелин голос, и я, отложив в сторону Серёжкину коробочку с рыболовными крючками, пошёл на зов.

Во дворе меня поджидал самый настоящий сказочный персонаж. Я опешил даже от такого сюрприза. Под навесом в тени стоял дедушка невысокого роста, мне по плечо, примерно, и одетый по последней моде моего голоногого послевоенного детства: на седой нестриженной голове картуз-восьмиклинка с измятым козырьком и пуговкой на макушке, тело прикрыто рубахой-косовороткой с опояской из какой-то верёвочки, а ниже холщовые штаны из самотканого полотна неопределённого цвета, заправленные в сыромятные чирки домашнего пошива. В левой руке у него зло дымилась десятисантиметровая, не менее, самокрутка из газеты, а в правой руке утвердилась узловатая черёмуховая палка. Мы поздоровались, и я пригласил дедушку присесть.

- Значить, ты и есть Мишкин сын? – начал беседу дед. - Дерзкий парень был, как он теперь?

Я коротко рассказал, что пару лет назад отец, бросивший нашу семью в 1963 году, приезжал в Новосибирск, как чувствовал, проститься. Мы с ним повидались у его младшего брата, дяди Николая, и в скорости отец умер где-то в Мордовии.

- Вот, непутёвая голова, - сквозь кашель после очередной затяжки промолвил дед, - а ведь семья у него была сурьёзная! Ах, война, мать её ити, как людей покорёжила. Которых не убила. Отец его, дед твой, значит, Исак, силён был шибко. Зашёл он как-то в Правление по делу, а там в углу мешки с рожью лежали. Он дело-то выправил, сунул незаметно мешок под тулуп, да так и ушёл, прижав мешок под мышкой одной рукой. А в том мешке аржи пудов пять! Силён был Исак.

- Дедушка, а по маминой линии родства, что скажешь? – с неподдельным интересом стал я выспрашивать. – Побережнюков помнишь?

- Ну, как не помнить, когда твой дед Онофрий Максимович при Колчаке был на деревне старостой, а при советской власти, мать её ити, председателем колхоза в войну. Грамотный был шибко, его ссыльные поляки выучили, он и в пехотном полку в Тифлисе ещё до Империлистической урядником служил, помощником комвзвода. Да вот в веру свою баптистскую шибко ударился, потому и на службе не остался, потому и уцелел, слава Богу! Чего лыбишься, Михалыч? Шибко ты на батьку похож! Ну, вылитый.

- Ну, как тут не улыбаться, дедушка, - отвечал я. – Когда учился я в военном училище, то тоже был, как дед Онофрий, и урядником, и помощником комвзвода! И по службе, как и он, дальше не пошёл, и во Христа верую, но вот дедов уклон баптистский не признаю. Вечная Онфрию Максимовичу память и Царствие небесное! - Я перекрестился.

- Вона как, стало быть, ты, внучок, душа православная? Ну, тогда заходи к деду Якову в гости, подарок есть для тебя дорогой, тебе по душе будет, а мне такой подарок в чужие руки отдавать не хочется. Я ведь один остался, Нюрка-соседка за мной присматривает, чтоб я сигаркой дом не спалил. Ха-ха-ха, - на удивление звонко рассмеялся дед.

Подошли Неля с Серёжкой.

- Познакомились? – спросила Неля. – Это, Борис, наш ветеран, Яков Хрисанфыч Бочкарёв, из первопоселенцев. Ему уже 102 года, но, как видишь, ещё на ногах. Стопочку выпьешь, Яков Хрисанфыч?

- Отчего ж не выпить, внучка, - отвечал ей дед Яков, - благословясь, с гостем твоим выпью.

И Неля пошла за обещанной стопочкой. А мне хочется сделать здесь небольшое отступление, исторический экскурс.

Итак, немного истории с географией. Мне не хочется, чтобы читатель запутался в названиях и блуждал на незнакомой местности, поэтому уточню некоторые детали.

Кыштовский район находится на самом севере Новосибирской области, а до села Кыштовки от областного центра более пятисот километров. Потом порядка семидесяти километров покрытой гравием дороги – и мы в Бочкарёвке, миновав по пути Черновку и Колбасу, сёла более крупные и благополучные. Вот в Бочкарёвке и проживала моя родная тётя по маме Полина Кузнецова, почти всю свою жизнь посвятившая протекающей через село реке моего детства Чёке. Сколько я её помню, тётя Поля работала на реке, специальными приборами измеряя периодически уровень воды, её температуру, скорость и прочее всё такое. Имелась у неё кладовочка с приборами, журналом наблюдений и казённая лодка.

Младший её сын Юра, встречавший нас на лётном поле, окончил у нас в городе Сельхозинститут и трудился в райцентре секретарём райкома комсомола, а дочь Неля, выйдя замуж, так и осталась в Бочкарёвке, унаследовав и материнскую должность на реке.

Но село Бочкарёвка – не моя родина. Моя родина – деревня Шагирка, в семи километрах вверх по течению Чёки. Именно здесь родились мои родители (простите за тавтологию), в Шагирке прошло моё босоное детство, здесь пошёл я в первый класс и начал познавать окружающий мир.

На север по реке километрах в шести от Шагирки стояла когда-то деревня Чебурда, а ещё в пяти километрах севернее на речке Узас, впадающей в Чёку, жила-была когда-то пограничная деревня Узас. И всё, конец цивилизации.

Если доставало желания и настойчивости, то необходимо было пройти километров двадцать почти полного бездорожья, миновать три Албацких ручья, совершенно непроходимых весной и осенью, и оказаться на границе Васюганья – заповедного края непроходимых болот и урманов, царства клюквы и медведей, уходящего далеко на север в Томскую область.

Все эти деревни и сёла Черновского сельсовета основали в начале двадцатого века переселенцы из Малороссии, с Полтавщины, в рамках Столыпинской земельной реформы. В богатую и сытую Сибирь они уезжали от безземелья, голодухи и тягот общинного жизнеустройства. И уезжали очень грамотно и толково. Сначала на место выезжала «разведгруппа», договаривалась с местным «обществом», подыскивала место для деревни, оформляла на месте в земельном комитете документы, а затем привозила основной контингент переселенцев с чадами, домочадцами и нехитрым скарбом. И ехали люди сюда вполне спокойно, ибо на базовой для переселенцев станции Транссиба Татарская их уже поджидали уполномоченные по переселению. Здесь, исходя из количества едоков в семье, приезжим выдавалось всё необходимое: кони, коровы, телеги, плуги, посадочный материал. И деньги. Вот так при царе-батюшке проводилась в России земельная реформа. Поучились бы современные «рыночники» у дедов наших, как в стране реформы проводить!

Была ещё во время Отечественной войны между Бочкарёвкой и Шагиркой одна деревня, называлась она Латыши, жители которой, как я теперь понимаю, являлись депортированными прибалтами. Но, как она в сороковом году в один день образовалась, так в начале пятидесятых в один день из неё все жители и съехали, бросив скот, дома, посадки и могилы на кладбище. Деревни не стало, как и не было.

Но вернёмся в Бочкарёвку. Как там дед Яков? А очень даже неплохо – Неля вынесла полграфинчика самогонки, порезала пару-тройку огурчиков с помидорчиками и пригласила Якова Хрисанфыча к столу. А я подошёл и без приглашения.

Мы с дедом приняли по стопочке, дружно хрустнули огурцом и помолчали, каждый думая о своём. Не знаю, о чём задумался дед Яков, а я смотрел на него и диву давался –

передо мной сидел человек, родившийся в прошлом веке, переживший три войны и две революции, переживший царя, Ленина, Сталина и даже «кукурузника» Хрущёва.

- Яков Хрисанфыч, - прервал я молчание, - а как, собственно говоря, с деревнями народ определился? Не расскажешь? Ну, приехали в лес, избы поставили, вот и живи коллективно, чем больше народу – тем лучше! Нет, по деревням разделились.

- Да так и было, Михалыч. Сперва вроде как все здесь, на Чёке, определились. Места здесь были для хлебопашества удобные, по правому берегу грива идёт, леса нет, а что было – то расчистили, покорчевали да пожгли. И распахали потом, благословясь. Но ведь человек не только трудом живёт. Была средь нас община баптистская, шибко их на прежнем месте власти гнобили. А здесь они волю почуяли. И пока мы на пригорке церкву ставили, решили Подсадниковы, Коваренки, Побережнюки и Нестеренки отдельным хутором жить. Подыскали место, да и обустроились. А расстояние от церкви до первого дома с землемером шагами отсчитали, вот и образовалась Шагирка. А уж в Чебеурду и Узас ушли бродяги отпетые, которые на земле не хотели трудиться – охотники, рыболовы, углежог, да добытчики. Промышляли по Узасу, Каинзасу, Майзасу да Ую.

Дед замолчал, достал из нагрудного кармана особым образом сложенный кусок газеты, оторвал одну страничку и начал свёртывать козью ножку. Кисти его были крепкие, с длинными тонкими пальцами, пожелтевшими от табачного дыма и покрытыми трещинами и мозолями от многолетнего труда. Но они ничуть не дрогнули, когда он из кисета насыпал табак в козью ножку и прикуривал от спички, прикрывая огонёк ладонями. Крепкий был дед на удивление.

- Дедушка, а давай по второй, - предложил я по отпускной беззаботности и уже потянулся за графином.

- Нет, Михалыч, благодарствуем, но кто ж с утра вторую пьёт? Разве бездельник или неприкаянный какой!

- А вот скажи, Яков Хрисанфыч, что это ты ко мне по отчеству, да по отчеству? Я ведь тебя в три раза младше, а ты вон какой ветеран, чисто праотец библейский!

- Эх, Михалыч, вы в своём городе все обычаи забыли. Вот ты женат? Дети есть? Живёшь отдельным хозяйством? Значит, ты самостоятельный хозяин и обращения соответственного требуешь! А есть такие, что до седых бород Васьками остаются. Думаю, ты не из таковских!

- Надеюсь, Яков Хрисанфыч. А что это ты за речку такую сейчас назвал – Уй? Я раньше про неё и не слышал.

- А чего ж, значит, слушай. В наших краях из Васюганья четыре реки выходят: Чёка наша, южнее - Майзас да Каинзас, а севернее – Уй. На Ую даже я не был, это самое гиблое место, болота непроходимые да урманы чёрные. Там в Отечественную дезертиры скрывались. Много их набиралось, люди разные – и баптисты, которым по вере убивать нельзя, и уголовники беглые, и просто от фронта бегущие. А все – народ таёжный, с ружьишками да топорами. И все на Уй тянулись перезимовать. Там по реке бобровые деревеньки были, а где бобёр – там и медведь, а медведь – это пудов пять мяса и жира, жить можно! Но шибко спокойно им жить не давали. Наезжали к нам, бывало, энкаведешники в голубых фуражках, оставляли в селе заслон, брали проводников из местных и отправлялись за дезертирами в тайгу. Через недельку возвращались с добычей. Как-то сам видел – на двух телегах везли побитых бородатых мужиков, а на одной лежали мёртвые энкаведешники, но уже без синих фуражек. Эх, война, мать её ити, она и здесь убивала!

На улице послышался рёв подъехавшего трактора. Это прибыл на обед Гена на своём «Белорусе» с тележкой, из которой повыпрыгивали все трое наших пацанов, а из кабины появился и сам Геннадий. Он поздоровался с нами и направился умываться и

переодеваться к обеду, а мальчишки обступили нас и, перебивая друг друга, рассказывали, как они с Геной участвовали в ремонте моста через реку. Оказывается, там мужики на повреждённом во время весеннего ледохода мосте соорудили самодельный копр и бабой из лиственного комля забивали новые сваи. И, оказывается, по Генкиной просьбе, мужики разрешили им в этом деле поучаствовать, и пацаны целую сваю в речное дно заколотили!

Ну, что тут скажешь? Давно я не видел, чтобы мальчишки радовались труду, как удовольствию. В городе труд для ребёнка – занятие, зачастую, неинтересное и воспринимается им, как наказание.

Тут и дед Яков до дому засобирался, обняв на прощание засмущавшегося Артёмку. Поблагодарил хозяйку за угощение, похвалил мою Наташу за красоту и ушёл, заручившись моим обещанием обязательно прийти в гости.

Здесь и обед подоспел, за которым мы обсудили с Геннадием моё желание посетить родную деревню или то, что от неё осталось.

По Генкиным словам, проехать до Шагирки вполне возможно, там даже мост через Чёку весной поправили, но не в целях поддержания пути на Шагирку, а ради сохранения этого направления в качестве выхода на Васюганье. Хотя и были деревни этого куста разорены, но дорога сюда не пустовала. По ней всё ещё продолжали, особенно интенсивно осенью, перемещаться немалые грузы: кедровый орех из тайги, клюква с болот, добытые охотниками соболя, птица и лоси.

Дорога, на моё счастье, есть. Уточняю у Гены, когда можно будет туда съездить и на чём? Будь я один, я бы и пешком дошёл, не вопрос. Не уверен, что мне поверят, но я одолевал эту дорогу в семь километров один, пешком, будучи учеником первого класса. Но я мечтаю побывать в родном «стойбище» с семьёй, чтобы всё показать жене и сыну и рассказать им, откуда есть пошёл русский человек, сибиряк Борис Нестеренко.

Гена, не задумываясь, сказал, что практичнее всего будет ехать на мотоцикле. Легковушка там не пройдёт, так что или на мотоцикле, или на гусеничном вездеходе, но вездехода поблизости не наблюдается. А поехать он предложил в субботу – и день выходной, и вернуться можно будет прямо к баньке. Помыться после дороги, попариться и отдыхать потом с чувством выполненного долга. Предложения Гены были выслушаны со вниманием и всеми нами дружно одобрены.

Во второй половине дня мои племянники устроили для нас по моей просьбе экскурсию по Бочкарёвке. А я не переставал удивляться мудрости наших дедов. Это надо же было суметь в новых краях, после степной Полтавщины, в Сибирских лесах такое удобное и красивое место для села выбрать! Не имея карт, не располагая вертолётами и дельтапланами, так понимать и чувствовать окружающую природу, что место для села кажется единственно верным в данном ландшафте!

Село протянулось вдоль реки по её правому высокому берегу. Чёка здесь, выходя из леса, делает внушительную петлю, и эта её излучина представляет собой большой пологий холм, на самом высоком месте которого наши деды поставили церковь. Вот вам и центр села. Правда, от церкви остался только первый этаж, превращённый властями в колхозный клуб, но где же ещё отплясывать комсомольцам, как не в разрушенном храме? Рядом находились библиотека, магазин сельпо, радиобудка, дизельная электростанция и чуть поодаль – Правление колхоза. Во дворе клуба тянулись к небу три громадных кедра, возрастом гораздо старше советской власти и явно посаженные здесь чьей-то хозяйственной рукой. Это был привет от моих предков.

Поводили нас ребята по селу изрядно: и кузницу старую показали, в которой не было ни электричества, ни станков, но где подковывал коня старый деревенский кузнец, и к мосту нас сводили, на котором они сваю забивали, и, перейдя по мосту реку, завели нас в заросли малины, из которой мы потом мою супругу еле вытащили - до того вкусна была

малина. Вот так и прогуляли мы по селу незаметных часа три, здороваясь со встречными и обещая непременно зайти в гости. Сделав по селу изрядный круг, приятно устав и нагуляв аппетит, мы вернулись домой, потеряв мальчишек где-то по дороге. Почаёвничали и передохнули в летней кухне в прохладе и тени.

Не буду здесь подробно описывать, как мы провели два оставшихся дня до субботы, это к делу не относится, но всё складывалось просто замечательно. Мы и купались в реке, и рыбачили, и в лес по ягоду ходили, и один раз даже поблудили немножко, но старый солдат в моём лице быстро сориентировался по солнцу, и мы вышли прямо на тропу, которую потеряли. К Неле постоянно кто-то приходил, чтобы и нас повидать, и про себя рассказать. Круговорот лиц и новых впечатлений не дал заметить, что уже и суббота подошла. Пора собираться в дорогу!

Мальчишки начали собираться загодя, ещё в пятницу. Они готовили жерлицы на щуку, ибо, по их словам, в Шагирских омутах щука обитает крупная и непуганая. Приедем на место, объясняли они Артёму, сразу жерлицы и поставим, наловив старой майкой мальков для наживки. А улов снимать нужно будет по клёву или по отъезду, и широко разводили руки в стороны, показывая размер предстоящего улова. Нас же в дорогу собирала Неля. Она вручила Генке узелок с едой, бидончик домашнего кваса, а Наташе – тубик мази от комаров и гнуса и пол-литровочку, завёрнутую в полотенце, но вот чего именно, мы с Генкой подсмотреть не успели.

Путь предстоял совершенно не дальний, но мы всё равно присели на дорожку, помолчали и начали усаживаться в транспорт: Гена – за руль своего «Урала» с коляской, я – к нему за спину на заднее седло, Наташа с Глебом – в люльку мотоцикла, а племянники на свой мопед. Взревел от перегазовки мотор мотоцикла, и наш маленький отряд двинулся в дорогу.

Путь наш лежал в противоположную от моста сторону, мимо колхозного гаража, по распаханной, покрытой зелёными всходами гриве в лес и далее вдоль речного берега. Дорога то приближалась почти вплотную к реке, то удалялась от неё довольно значительно, но была хорошо заметна под зарастающей её травой и мелким кустарником. Лишь в одном месте мы довольно долго провозились, преодолевая лесной почти высохший ручей, но с препятствием справились. А я ведь помнил это место! Здесь раньше была гать, и я уставился внимательно себе под ноги. Да, вот они, остатки гати, вдавленные в грунт и грязь полусгнившие жерди настила. Я похвалил себя за открытие.

Преодолев ручей, наш караван остановился на перекур. Мы умылись в речке, покидали в рот лесной ягоды, а я рассказал спутникам, что помню, как мы переезжали по гати этот ручей на телеге. Правил конём мой отец, в телеге сидели мой дед Исак и я, ещё даже не ходивший в школу. Куда и зачем мы ехали, я не помню, но помню, что дед Исак, кутивший самокрутку, случайно выпавшим огоньком поджжёт сухую соломенную подстилку в телеге, мы поспрыгивали с аварийной телеги, а отец, сбросив пылающую солому, матерился так, что в обеих деревнях, наверное, слышно было! Я прикинул в уме, что отцу тогда лет тридцать от роду было, а вспоминается он мне почему-то солидным мужиком, гораздо старшего возраста по виду. Нет, это не отец старым был, это я был тогда совсем маленьким. Мы расселись по местам и тронулись дальше. Ехать оставалось километра три, и они промелькнули без приключений под неумолкающий голос лесной кукушки, прорывающийся сквозь сытое урчание мотоциклетного мотора. Это кукование сопровождало нас до самого последнего поворота, за которым показался деревянный мост через Чёку, а за ним ... деревни не было! Была большая прогалина в лесу, но без домов и других построек, без людей и собак, без собачьего лая и гогота гуляющей по улице домашней птицы.

Для Генки это был вид привычный, Наташа вообще ничего не понимала, а я опешил!

Нет моей родины, нет Шагирки, воспоминания о которой так прочно во мне сидели, и одно дело об этом услышать, и совсем другое – увидеть катастрофу своими глазами. Мы подъехали к мосту, и остановились. Гена пошёл по настилу из тёсаных брёвен на другой берег, и я увязался за ним.

Десятка три шагов – и вот он, другой берег. Я устремляю взгляд налево и вижу на берегу чуть ниже моста деревянный крест, под ним тракторный каток, радиатор с вентилятором и засохшие цветы на них. Вот оно, это место, куда стремилась моя раненая в детстве душа, тревожа меня смутными воспоминаниями и страшными видениями. Здесь в морозные зимние дни в начале 1957 года, в промежутке между Новым годом и Рождеством разыгралась ужасная трагедия, оставившая в моей детской душе неизгладимый след на всю жизнь. По уровню трагизма этой истории здесь Шекспир с его датским принцем и близко не ночевал. У нас, у русских, всё своё, и трагедии в том числе. Я молча перекрестился.

- Ты знаешь, что здесь случилось? – спросила подошедшая Наташа.

- Знаю, - ответил я, - но не сейчас. На привале расскажу.

- Мост осмотрели – можно перебираться, - подключился к разговору Гена, - куда двинемся? Может быть, на могилки? Вон кладбище старое.

Мы приняли от моста вправо и через пару минут уже были на пригорке у кромки леса. Это и было деревенское кладбище. Твёрдо знаю, что где-то здесь похоронена мать моего отца, моя бабушка Мотя, умершая на троицу 1956 года, почти на моих детских глазах. Я её скоропостижную смерть и похороны хорошо помню. Помню, как гроб несли на кладбище, но где её могила? Бог весть! Уже ничего не найти, не определить, холмики могил почти сровнялись с землёй, всё заросло травой, кустарником и молодыми деревцами – лес наступает. Никаких надписей и рамок с именами и датами, да и кто бы в деревне подписывал и для кого? Свои своих и так знали.

Наташа достала из сумки Нелину пол-литру, как оказалось, водки «Пшеничная», кружку эмалированную и пару огурчиков. Разместила это всё на капоте мотоциклетной люльки, и мы, никого не выделяя, помянули всех лежащих здесь земляков. Они это заслужили, и не их вина, что страна постепенно приходит в запустение, как и этот забытый людьми погост.

Следующим пунктом остановки должен был стать мой дом, или то, что от него осталось. Заехав со стороны моста в покинутую деревню, мы катим по её бывшей единственной улице.

По обе стороны дороги выделяются квадратные возвышенности на месте разобранных домов. И на этих квадратах вымахала конопля под два метра высотой. Это проросло конопляное семя, которым здесь годами кормили домашнюю птицу. По этим конопляным участкам хоть план деревни составляй! Едем медленно, а я вглядываюсь и стараюсь хотя бы примерно вспомнить, кто и где жил. Проехали «дом» отцовских родителей, школу, клуб, магазин, спустились с горочки на повороте реки – и вот он мой «дом»! Абсолютно точно определяю своё детское местожительство. Можно устраивать привал, а потом погулять, повспоминать, принять по рюмочке на родной земле.

Мальчишки наши ещё не проголодались и сразу же засобирались на рыбалку. А мы их и не удерживали, разве что Наташа их репеллентом намазала. И они ушли, длинноногие и длиннорукие, Серёга самый высокий, Артём на голову ниже и Женя, ниже Артёмки тоже на голову. Их уже ждали щуки в омутах и окуни в затонах, благо вода в речке была тёплая, хоть чай заваривай.

А мы с Геннадием пошли на штурм Наташи, имея в уме ту початую бутылку «Пшеничной», которую открыли на погосте. Расстелили на траве под берёзой покрывало из дому, поместили на него нехитрую закуску и заветную «Пшеничную». Налили в кружку,

в крышку от бидончика с квасом и в Генкин дежурный стакан из бардачка по пятьдесят грамм и дружно выпили под первый тост, ощущая полную беззаботность и успокоенность. Вот тут-то Наташа и не выдержала. И вопрос она задала Гене, а не мне, но намёк мне был совершенно понятен.

- Ген, а что за крест у моста стоит? Ты ведь должен знать!

- А я и знаю. Тут давным - давно разбился то ли пьяный тракторист, то ли ревнивый комбайнёр. Деревни нет, и спросить некого. А я ведь из Бочкарёвки.

- А ты меня спроси, Гена, - заявил я к немалому его удивлению. Я-то из Шагирки, я знаю, что здесь произошло. Пусть я был мал, не всё сам видел, не всех слышал, но то, что видел, я помню, а что не помню, то повзрослев, у людей выпрашивал, у родных выпытывал. Уж очень сильное впечатление этот несчастный случай на меня, мальчишку, оказал. Я до сих пор не понимаю, почему наши родители позволили нам наблюдать, как развивалась эта трагедия. Трагедия в жизни, а не на сцене, без оптимистического финала и без общего поклона в конце. История эта настолько безысходна в своей сути, что из неё и выводов-то никаких не сделаешь. Наташа, я обещал тебе рассказать, но мне и самому нужно её из себя выговорить!

- Готовы? Тогда слушайте.

Я довольно хорошо помню день, когда началась эта история. Новый год мы уже встретили, а колядовали на Рождество уже после этого несчастья. Вот так обозначаются дни, в которые возвращает меня память. Лет мне было, наверное, шесть, потому что в школе я ещё не учился, но уже хорошо многое помню. В тот день мы, пацаны, никак не могли дожидаться вечера – со вчерашнего дня на клубе висело объявление, что передвижка привезёт в деревню фильм с Чарли Чаплиным, по- моему, «Огни большого города». Мы не знали, конечно, Чарли Чаплина в том далёком 1957 году, но каким-то образом до нас дошло, что фильм будет невообразимо смешной. Так и вышло. Ещё засветло к клубу подкатила полуторка с фанерной будкой, из неё выгрузили киноаппарат, движок с генератором и банки с лентой.

К шести часам вечера начали подходить к клубу взрослые. Пришёл и мой отец. Он у киношника был в авторитете, подключал к проектору генератор, стоящий на улице, обеспечивал работу движка и помогал с порядком в клубе. Отец потому был в авторитете, что не являлся колхозником, а работал на ремонте техники в МТС и, значит, получал зарплату деньгами, располагал выходными и имел на руках паспорт. Колхозники же не имели ничего: ни зарплаты, ни выходных, ни паспортов. Такое вот было разделение народа на «чистых» и «не чистых».

Но вернёмся в клуб. В зрительном (и единственном) зале существовала своя иерархия. Впереди на полу сидели мы, совсем мелочь пузатая, на первых рядах сидели пацаны-школьники и подростки, в середине зала располагались женщины, а последние скамейки занимали мужики. И из их порядков во время сеанса поднимались такие клубы махорочного дыма, особенно отчётливо видимые в луче проектора, что я постоянно удивлялся, как это свет пробивается через дым к экрану. Но свет пробивался-таки, и мы уже до половины посмотрели картину с героем в непривычном для нашего взгляда котелке, катаясь натуральным образом по полу от смеха. Смеялись и взрослые, сопровождая некоторые сцены крутым доморощенным комментарием, тем более, что фильм был немой, а читать по-быстрому строчки на экране было и не с руки после баньки и стакана-другого самогона, и непривычно. Были Новогодние праздники, и это дополняет картину.

Ничто не предвещало беды.

Вдруг дверь в клуб со стуком распахнулась, и в свете проектора в помещение ввалился мужик в полушубке и овчинной шапке. Сначала подумалось, что пьяный, но включили

свет, увидели, что человек это не местный, трезвый и только тогда прислушались к его словам.

- Беда, люди! Спасите Фрола! Трактор нужен! – твердил он, как заученно, и толкал мужиков к выходу. Мужики его осадили, привели в чувство: у кого-то в кармане даже четушка оказалась. И, отдышавшись, неожиданный гость стал говорить. Они с напарником в Орловке разобрали дом, погрузили брёвна на тракторные сани и, зацепив их за трактор С – 80, потащили сани с домом куда-то за Черновку. Доехали до нас, и при переправе через мост санные полозья зацепились за какой-то сук и собрали мостовой настил в кучу. Сани провалились в пустоту и потянули за собой трактор, который полетел с моста в реку. Он-то сидел справа и успел выскочить, а напарник, сидя за рычагами, замешкался и выпрыгнуть из кабины не успел, только высунулся наполовину. Так он в лёд и врезался, наполовину в кабине. Трактор пробил лёд, ушёл в воду, наверху торчит лишь часть кабины и голова напарника. Сам-то спасшийся поднялся от реки на дорогу и пошёл за помощью на свет. И пришёл в клуб.

Тут на первый план вышел мой отец. Кто-то сказал, что он тракторист из МТС, на что отец заявил, что в колхозе техники нет и не было, вся техника в МТС, что у него дома стоит под окном колёсный «Путиловец», но с него толку, как с козла молока. И, вообще, нужно идти на место и произвести разведку. (Вот они, фронтовики.) На этом киносеанс был закончен, и все мужики, а за ними и мальчишки, отправились к мосту. На улице было темно, и кого-то отрядили сразу за лампами и фонарями. Мороз к ночи крепчал, но было терпимо, иначе бы я просто никуда тогда не пошёл. Мы потолкались немного у взрослых под ногами и отправились спать, ничего не разглядев и ничего ещё не понимая.

Как потом я узнал, за ночь случилось многое. Мужики на месте падения разожгли костры и отрядили коня и нарочного, чтобы донести до властей эту трагическую новость. В Шагирке тогда телефона не было, и звонить поехал человек ночью в Бочкарёвку. Но прежде мужики обследовали место и участников аварии и поняли, что ничего сами сделать не смогут.

В кабине трактора С-80 и С-100 возле рычагов управления находится железная конструкция для воздухозабора и воздушного фильтра. При ударе трактора об лёд эта конструкция смялась и зажала ноги трактористу. И никаким образом мужики не могли его освободить из тисков и вытащить из воды. Нашлись добровольцы, которые в январе ночью раздевались и спускались в воду у застрявшего во льду трактора. Они, опытные механизаторы, ощупали в кабине всё, до чего смогли в воде добраться. И вынесли вердикт – нужно подгонять пару мощных тракторов и тросами вытягивать весь санный поезд на берег, потому что отцепить сани под водой невозможно.

Но не забывайте, что торчащий по плечи из ледяной воды человек был в полном уме и в трезвой памяти. Что у него ноги были зажаты в стальной капкан и, скорее всего, были сломаны. Что он осознавал весь ужас сложившегося положения. Я это представить не могу. Но узнал потом из разговоров взрослых вот такие подробности.

Единственное, чем смогли облегчить участь несчастного, так разве что накачали его крепчайшим самогоном. А к утру подъехали участковый милиционер, один на десяток деревень, фельдшерица с чемоданчиком, инструктор райкома партии, председатель колхоза из Орловки, откуда трактор вышел в путь, и ещё кто-то, точно не помню.

А к обеду привезли вызванную властями жену несчастного и двух его пацанов лет 15-ти, наверное, попрощаться с отцом. И это я описываю уже не со слухов, это я видел сам. У меня в мозгу на всю жизнь осталась эта картина – пробитый лёд, из полыньи торчит часть кабины трактора и человек, погружённый по плечи в чёрную воду. Совершенно чёрное лицо со впавшими глазами и белыми, как снег, губами. Начинался второй акт

драмы. Начальствующий комитет решил начать активные действия. И решение их было гениальным. Поскольку ноги несчастного невозможно освободить, то их нужно ... оторвать. Привели крепкого жеребца с конюшни, двое добровольцев разделись, залезли в воду и обвязали канатами тело несчастного. Тянуть канаты должен был назначенный жеребец. Опять влили в тракториста самогона, а фельдшерица сделала ему какой-то укол. По сигналу милиционера экзекуция началась, конь резво потянул канаты. Боже милостивый, я такого крика никогда больше в жизни не слышал!

Коня остановили, спасаемый, не поддерживаемый канатами, обвис и погрузился в воду. Бывшие рядом кинулись поднимать и закреплять ему голову над водой. Напомню – здесь же на берегу находились жена и дети страдальца, и, как мне сейчас вспоминается, его родители.

Наступал третий акт драмы. Это я тоже видел своими глазами в тот же день, но после обеда. Когда я прибежал на это скорбное место, тракторист уже был в сознании, но только вот что он сознавал? Я услышал какое-то бормотание или причитание в морозной тишине. Подошёл поближе, и отчётливо расслышал, как погибающий человек выговаривает стоящему рядом участковому милиционеру, почти не замолкая, одну и ту же фразу: «Пристрели меня!» На льду, рядом с прорубью валялись пустые бутылки из-под самогона, как сейчас их вижу. Среди людей на берегу ходила одна новость – из Берёзовки идут сюда два трактора С-100 от геологов. Вся надежда только на них. Но уж путь больно длинный.

Я ушёл домой, потеряв к происходящему всякий интерес или пресытившись обилием негативной информации и тяжёлых впечатлений.

А ночью тракторист в проруби умер. К полудню подошли оба С-100 из геологической партии и, зацепив тросами санный поезд, играючи вытащили его на берег. Труп освободили из стальных тисков и отдали родственникам, трактор погрузили на сани и тоже куда-то увезли. А я ещё долго просыпался по ночам, увидев во сне чёрное лицо со впалыми глазами и белыми, как снег, губами.

- Вот такая вот тракторная история, Наташа, - закончил я свою невесёлую повесть, - и мне давно уже надо было её тебе рассказать, но подходящего повода не находилось. Но вот рассказал – и душу облегчил, тяжело было всё это в себе носить. Я и парнишек на рыбалку выпроводил, чтобы они не слушали таких страхов. Не понимаю, почему наши родители позволили нам смотреть на эти ужасы? Или время такое было безжалостное, послевоенное? Не стало человека – не стало и проблемы? Если они так закаляли наш дух, то мой, точно, не закалился, а, скорее, развился в каком-то ином направлении после этой трагедии. Как знать, как сложилась бы моя судьба, не повлияй на мою душу тёмная сила произошедшей драмы? Я был бы другим – это точно!

Воцарилась тишина.

- Ну, брат, развёл ты тут антимионии, - крикнул Гена, - вон какой тоски нагнал! Мы что, сюда страшилки слушать приехали? Ну, так мне – не страшно! Я понял из твоего рассказа, что крепок мужик сибирский: и рвали его конём, и в воде топили, и в проруби замерзал, а чуть не двое суток жив оставался! Да и, судя по возрасту, фронтовик был. Вот за таких давайте выпьем, помянем.

Он наполнил нашу тару, и столько доброй энергии излучало его лицо, столько оптимизма звучало в его словах, что на сердце у меня полегчало, и я с удовольствием поддержал его предложение. Кто знал тогда, что жить Геннадия оставалось всего-то лет шесть. Что при заготовке дров в лесу его убьёт падающей лесиной, и семья останется без отца, мужа и работника. Лежит он сейчас в Бочкарёвке на погосте и ему ничего уже не страшно...

После стопочки-дугой разговор возобновился в благодушном тоне, мы пошли гулять по Шагирке в районе нашего «дома». Нашли остатки пасеки, пчёлы с которой однажды

загнали меня в реку, нашли на реке заводь, богато украшенную цветущими кувшинками. А там и мальчишки подошли с рыбалки, довольные выше крыши – на кукане несли они четырёх окуней размером с мой полуботинок и пару щучек, по полметра длиной каждая. Вот это рыбалка!

Как же мала была наша деревня. Только теперь, стоя на пригорке практически в центре селения, я мог охватить взглядом всю территорию. Вон там – мост, справа кладбище, а прямо на меня простирается бывшая главная и единственная улица деревни, спускается с пригорка, на котором я расположился, делает резкий поворот вправо, повторяя излучину реки, и на речном же берегу обрывается. Предпоследний слева дом, вернее, квадрат гигантской конопли на месте усадьбы, и является тем местом, куда мы с моим двоюродным братом Федькой, будучи лет шести от роду, надумали залезть в поисках мёда. Знали ведь, что у дяди Марка в огороде стоят ульи, вот и решили полакомиться, предприимчивые, но бестолковые. Ах, как же нас гнали пчёлы из огорода! Прекрасно помню, как я влетел в избу, дико крича и хаотически отмахиваясь. Отец был дома во дворе, сначала ничего не понял, потом, по-видимому, атакованный пчёлами, круто матюгнулся и, схватив меня сзади за рубашку, рыкнул мне в спину: «В реку!» И мы понеслись к Чёке, благо до берега было, как я сейчас вижу, всего-ничего. Момент – и мы уже в реке, только макушки торчат из воды. Вот так я за мёдом слазил в чужой огород!

- Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи? – приговаривал отец, когда мы вылезли на берег и шли до дома, он – мокрый весь, а я – с интенсивно распухающей физиономией.

Что это значит, я не понимал, да и теперь не совсем понимаю, причём тогда была эта фраза из «Тараса Бульбы», но привожу этот случай в доказательство того, что отец мой был человеком начитанным и с чувством юмора. И юмора, надо сказать, весьма оригинального. Так, однажды зимой, в трескучие морозы, он вошёл в дом с улицы с топором в руке, а топор был покрыт красивыми морозными узорами. Я и рот открыл, когда высунулся с печи и увидел такую красоту. Отец отреагировал моментально: - Красиво? На, лизни! – и протянул топор мне к лицу. Ну, я и лизнул... Как же он смеялся, когда мой язык прилип к раскалённому от мороза обуху. Вот такой юморист был мой покойный отец. О родителях плохо не говорят, а для меня отец вообще был непререкаемым авторитетом. И оставался таковым до тех пор, пока я, будучи уже лет четырнадцати от роду, всё-таки решился прекратить его пьяные издевательства над мамой, сгрёб отца в охапку, завалил его на кровать, связал и дал выволочку его же брючным ремнём. В скорости после этого он из семьи ушёл. И Бог с ним.

Жена моя в это время заставила мальчишек перекусить нехитрыми нашими запасами, и они, особенно Артёмка, начали донимать меня разными вопросами по истории деревни и назначению остатков почти уже невидимых строений. Благодаря этим вопросам, я вспомнил, что совсем уж в раннем детстве мы жили в другом месте деревни, рядом с избой деда Исака. Мы пошли искать это место, основываясь даже не на памяти моей, а на каком-то шестом чувстве. И нашли! Мы определили место, на котором стоял мой первый в этой жизни дом, дом, с которого я отчётливо помню себя как личность. В густых зарослях гигантской крапивы и конопли что-то темнело. Раздвигая их подобранной хворостиной, я подобрался поближе и обнаружил вросший в землю ... «Фордзон-путиловец»!

Да, это был, бесспорно, он – отцовский трактор, постоянно стоявший под нашим окошком. Вот потому-то он и стоял, что был не на ходу, красавец – железные колёса с огромными шипами, дырчатое металлическое сиденье на листовой пружине, кабины нет, а из двигателя сбоку торчит большой шкив для привода на молотилку. Изготовлен он был, видимо, так основательно, что разобрать его в своё время инструмента не нашлось, а целиком вывезти у кого-то руки не дошли. Вот и земляка нашёл, подумалось мне, а

мальчишки просто обалдели от вида этого монстра. Серёжка с Женей тут же начали строить планы по эвакуации этого раритета.

Время пролетело на удивление быстро, и Гена сказал, что пора и домой подаваться. Погостили - и будет, тем более, что погостили хорошо. Столько историй, воспоминаний и находок для нашей маленькой экспедиции я и сам не ожидал. А меня не покидало чувство удивления от того, как мал был на самом деле тот мир, который мною в детстве ощущался огромным и таинственным. Вся моя вселенная того времени помещалась теперь на трёхстах метрах лесной опушки и речного берега. И эта вселенная скоро совсем потеряется в сибирском лесу, мост сгниёт, а дорога зарастёт... Потом придёт очередь Бочкарёвки, потом - России. Нет, народ не разъезжается, народ вымирает. Прости, Шагирка, мы больше сюда не приедем. Это точно.

Сборы были недолги, рыбу ребята ещё перед обедом посолили, чтоб не пропала, тщательно затушили костерок – и по коням!

Прощай, Шагирка, несуществующая уже моя родина! Прощайте, славные мои родичи и земляки, простите нас, коли что не так. Спасибо вам за землю эту, за эту реку и лес, за небо над головой и ласковое солнце. Спасибо вам за жизнь! Дай Бог, чтобы меня помнили так, как помню вас я – крепко, с любовью и благодарностью...

Как я нашёл тестя

Дописывая Варлама Шаламова

Я хочу познакомить вас с одним человеком. Это – мой первый тесть Постников Семён Андреевич, царство ему небесное. Родом он откуда-то из Донбасса, из Горловки, из беспризорного детства. Вот и всё, что я знаю о его отрочестве и юности.

Меня познакомила с Семёном Андреевичем его дочь Галина, моя будущая первая жена. Она вместе с папой приехала в Новосибирск после выхода отца на пенсию в Магаданской области. В нашем городе Семёном Андреевичем в предвидении пенсии был заранее прикуплен небольшой домик, в котором они и проживали втроём, вместе с бабушкой Галины по материнской линии, дожидаясь выхода на северную пенсию и приезда мамы, Постниковой Зинаиды Алексеевны. По прибытию которой в Новосибирск и состоялась моя первая в жизни свадьба.

Но, впрочем, речь не о них, не о бабушке, не о моей тёще и не о моей первой и не самой лучшей жене. Продолжим знакомиться с первым в моей жизни тестем, Постниковым Семёном Андреевичем. Мы как-то быстро сблизились с ним душевно. Был он человеком простым, беззлобным и непосредственным. Высокий, худой, даже тощий, с лицом, обтянутым сухой кожей, из-под которой выпирали острые скулы. Имел впалые щёки вследствие вставной челюсти и небольшой, сломанный в каких-то жизненных передрыгах нос. Вышел он на пенсию с должности завгара, всю жизнь прослужив, по его словам, возле автомобилей.

Приехав в Новосибирск, дома Семён Андреевич не засиделся и устроился в Ленинское отделения Госбанка в отдел Инкассации, где довольно быстро стал старшим смены. Должность по тем временам была не из последних. В пору повсеместного и сплошного товарного дефицита иметь свободный доступ в любой инкассируемый магазин, столовую или ресторан давала немалое разнообразие в ежедневном пищевом рационе и винной, что для нас было важнее, карте. Частенько мы делили с ним на двоих бутылочку портвейна или, что реже, поллитровку водочки, но уже пригласив за компанию соседа Сашу Матвеева. Тёща, Зинаида Алексеевна, конечно, ворчала на нас, но до скандала дела не доводила. Была она женщиной властной, командиршей в семье и диктатором в быту. Помню отчётливо, как она отреагировала однажды на поздний приход Семёна Андреевича с работы. На его попытки объяснить, что, мол, ездили в тир сдавать зачёты по стрельбе, она моментально отреагировала словами: - Что, не настрелялся ещё, стрелок?!... И пусть это будет первым следом в моих «поисках» тестя.

А что обычно делают русские мужики за бутылочкой? Они, конечно беседуют за жизнь. И мы беседовали. Меня, как сына фронтовика – орденоносца, интересовал вопрос участия моего тестя во всём этом сумасшествии под названием Вторая мировая война. Ведь возраст у него к тому времени был самый «пушечномясной» - год рождения 1920! Но единственное, что мне удалось из него вытянуть по этому вопросу, это что в «армию» - я намеренно беру это слово в кавычки – он был призван в возрасте 19-ти лет в 1939 году в период компании по омоложению её рядов. И всё. Молчок. Больше об этом ни гу-гу. И пусть это будет вторым следом в моих «поисках» тестя.

Так о какой же армии говорил Семён Андреевич? Всю свою сознательную жизнь, я подчёркиваю – всю жизнь от призыва до выхода на пенсию, он провёл в Магаданской области. А если точнее, то на Дальстрое. Не было в те злопамятные времена ни автономных округов в тех краях, ни Якутии, а была провинция Дальстрой империи по имени ГУЛАГ. И «армия» там была соответствующая. Но мой тесть настойчиво умалчивал об этой армии и о том, какими путями он попал на Дальстрой, но топоним этот

частенько мелькал в его воспоминаниях. Как и другие местные названия, красивые и звучные. Сусуман, Мяунджа, Аркагала, Кадыкчан, Буркандья, прииск, с которого он вышел на пенсию – всё это посёлки Сусуманского района Магаданской области. И пусть это будет третьим следом в моих «поисках» тестя.

Надо сказать, что в жизни Семён Андреевич был человеком добродушным, я бы сказал даже добрым, отзывчивым и незлопамятным. Находясь под каблуком жены, он все более-менее значимые поступки совершал после неперменного её одобрения. Как-то у Зинаиды Алексеевны возникла необходимость репрессировать кошку, покрывшуюся каким-то лишаём. На мой вопрос, а как же Семён Андреевич, я услышал от тёщи, что он из дому уходит, когда она рубит голову курице. Добрейшей души человек был Семён Андреевич. И каково же было моё удивление, когда его дочь, моя первая жена, по какому-то случаю, уже не помню точно, проболталась мне, что её папа, оказывается, «сидел» после войны, «мотал» срок, и довольно немалый. Я был буквально ошарашен этим фактом, но все мои вопросы по этой теме были оставлены без ответа. Единственное, что я услышал от жены, это просьбу, не возвращаться к этому вопросу более никогда и ни с кем, потому что эта тема у них в семье запретна. И пусть это будет четвёртым следом в моих «поисках» тестя.

А теперь, заинтересованный, надеюсь, читатель, проведя тебя по следам в моих «поисках» тестя, я хотел бы привести здесь объёмистую цитату из «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и завершить эти «поиски» интересным и, желательно, убедительным результатом.

Итак, Варлам Шаламов, сборник «Левый берег», рассказ «Зелёный прокурор».

«Количество «секретов» и «оперпостов» было резко увеличено – охота за беглецами была в полном разгаре. Летучие отряды прочёсывали тайгу и наглухо закрывали «освобождение через зелёного прокурора» - так назывались побег. «Зелёный прокурор» освобождал всё меньше, меньше и, наконец, перестал освобождать совсем.

Пойманных обычно убивали на месте, и немало трупов лежало в морге Аркагалы, ожидая опознания – приезда работников учёта для снятия отпечатков пальцев мертвецов.

А в десяти километрах в лесу от угольной аркагалинской шахты в посёлке Кадыкчан был расположен такой «оперпост», где содаты спали, ели, вообще базировались.

Во главе этого летучего отряда летом сорокового года стоял молодой ефрейтор Постников, человек, в котором была разбужена жажда убийства и который своё дело выполнял с охотой, рвением и страстью. Он лично поймал целых пять беглецов, получил какую-то медаль и, как полагается в таких случаях, некоторую денежную награду. Награда выдавалась и за мёртвых, и за живых – одинаково, так что доставлять «в целости» пойманного не было никакого смысла.

Постников со своими бойцами бледным августовским утром наткнулся на беглеца, вышедшего к ручью, где была засада.

Постников выстрелил из маузера и убил беглеца. Решено было его не тащить в посёлок и бросить в тайге – следов и рысьих, и медвежьих встречалось здесь много.

Постников взял топор и отрубил обе руки беглеца, чтобы учётная часть могла сделать отпечатки пальцев, положил обе мёртвые кисти в свою сумку и отправился домой – сочинять очередное донесение об удачной охоте.

Это донесение было отправлено в тот же день – один из бойцов понёс пакет, а остальным Постников дал выходной день в честь своего «успеха»...

Ночью «мертвец» встал и, прижимая к груди окровавленные культишки рук, по следам вышел из тайги и кое-как добрался до палатки, где жили рабочие-заклужённые. С белым, бескровным лицом, с необычайными синими безумными глазами, он стоял у двери, согнувшись, привалясь к дверной раме, и, глядя исподлобья, что-то мычал. Он трясся в сильнейшем ознобе. Чёрные пятна крови были на телогрейке, брюках, резиновых чунях

беглеца. Его напоили горячим супом, закутали какими-то тряпками страшные руки его и повели в медпункт, в амбулаторию. Но уже из избушки, где жил «оперпост», бежали солдаты, бежал сам ефрейтор Постников.

Солдаты повели беглеца куда-то – только не в больницу, не в амбулаторию – и больше о беглеце с отрубленными руками никто ничего не слышал...»

Вот так, идя по малочисленным и малозаметным следам, я «нашёл» своего тестя, Постникова Семёна Андреевича, «нашёл» его у многолетнего лагерного сидельца и пронзительного русского писателя Шаламова Варлама Тихоновича. Его ефрейтор Постников в сороковом году в Кадыкчане и мой тесть Постников, призванный в 39-м, проживший от призыва до пенсии в Сусуманском районе Колымы и отсидевший солидный срок после низвержения Берии, - это один и тот же человек. И никто не убедит меня в обратном.

Судьба семьи Семёна Андреевича сложилась незавидным образом. Начну с дочери их Галины. Женою она оказалась меня не устраивающей, мы с нею благополучно развелись в 1979г. и пошли в разные стороны. Нормальной семьи создать ей так и не удалось, помыкалась она по разным мужьям, прижила ещё дочку и умерла довольно нестарая ещё от рака груди. Нашего совместного сына Артёма мне кое-как удалось из этой среды выцарапать и вырастить из него вполне приличного человека.

Старший сын их Андрей оставался на Колыме, женился там, но потом жена его повесилась, и сам он тоже то ли повесился, то ли застрелился, то ли пьяный утонул на рыбалке, и Бог с ним.

Сам Семён Андреевич заканчивал свой путь земной в тоске и мучениях. Что-то там в ногах его приключилось нехорошее с сосудами, и эскулапы советские начали отрезать ему ноги по частям – сначала отняли ступни, потом голени, потом в бёдрах отрезали и, наконец, выстригли всё, что можно было, непосредственно из таза. Вот так, умаляясь на глазах, ушёл из жизни по частям мой первый в жизни тесть Постников Семён Андреевич. И в этом видится какой-то символ...

И, наконец, тёща моя первая, Зинаида Алексеевна. Она пережила всех, кроме меня, разумеется. Она до последних дней сохраняла ясность ума и вполне уважительное ко мне отношение. Случалось, нечасто конечно, но заходила ко мне в гости, вполне приняла мою новую семью, жаловалась на подростковые выходки Артёма, моего сына и её внука, жившего в то время с ней. Всё, как обычно бывает у нормальных людей, и поэтому слова плохого я о ней не скажу.

Конечно, исходя из всего вышеизложенного, можно было бы сказать, что Бог покарал моего тестя. Но сказать это я не могу, да и не хочу. Кто я такой, чтобы судить о правомерности суда Божьего? Да и «следы», отысканные мной, всё же не тянут на неоспоримые, приемлемые для суда улики. Ведь всё это может быть и совпадением. Хотя я в такие совпадения не верю.

И последний, но очень важный для меня вопрос. Как быть с Артёмом, моим сыном и внуком Семёна Андреевича? Рассказать ли ему о моих изысканиях? Разрушить ли в его душе образ доброго деда, которого он любил больше всех в той семейке? Если «да», то ради чего? Только ради сухого принципа – правда любой ценой? Я всё же склоняюсь к мысли ничего Артёму не рассказывать, но не из чувства жалости, а из пожелания, чтобы каждый жил с теми знаниями, которые он приобретёт сам, благодаря своим силам, своему уму и своему желанию. Навязанное знание может оказаться не только вредно, но и вполне губительно.

Как ты ТАМ, Семён Андреевич???

14 апреля 2011г. Г. Новосибирск

Михановский Вадим Семёнович

Жизнь свела меня с этим человеком вроде бы случайно, но что-то сомневаюсь я в этой случайности. Два человека, проживая в одном городе и занимаясь русской словесностью, просто не могли не встретиться. Я не буду здесь сравнивать уровень этих литературных занятий, я просто хочу указать на общность наших интересов, которая и привела к неожиданной встрече. И я сразу хочу сказать судьбе «спасибо» за знакомство с этим незаурядным человеком – Михановским Вадимом Семёновичем.

Познакомились мы с ним в Новосибирской писательской организации, куда я зашёл в первый ещё раз со своими дилетантскими претензиями на членство. Встретивший меня Секретарь Шалин Анатолий Борисович в ответ на моё заявление о том, что я писал и буду писать о Суворовском нашем братстве, сказал, что за стенкой у него как раз сидит сейчас один суворовец, с которым он может меня познакомить.

Когда мы вошли в соседнюю комнату, там вели беседу два человека, один из которых сразу встал, проявляя непоказную воспитанность, и я понял, что он и является обещанным суворовцем. Высокий, стройный с атлетической не по годам фигурой, с седой гривой волос и орденом на груди – он сразу же произвёл на меня впечатление незаурядного человека, а первое впечатление редко бывает обманчивым. Знакомство состоялось, а сопровождалось оно со стороны Вадима Семёновича предложением отбросить по-кадетски эти светские условности и обращаться друг к другу на «ты» и по имени, что было для меня приятно, но несколько затруднительно в силу разницы в возрасте в целое поколение. Да и жизненный опыт давал себя знать – Вадим Семёнович оказался Воронежским суворовцем набора 1943 года и участником исторического Парада Победы в Москве в 1945 году. И теперь я с гордостью могу сказать, что в его лице я приобрёл искреннего друга и опытного наставника. Мне хочется о нём вам рассказать. Родился Михановский Вадим Семёнович на одной из погранзастав Дальнего Востока 02 марта 1930 года. Историк по образованию. Член Союза журналистов России с 1958 г. В годы войны подростком ремонтировал боевые самолёты в прифронтовой, позже – в стационарной авиамастерской, на знаменитом Новосибирском Чкаловском авиазаводе клепал фюзеляжи истребителей. В конце 1943 года был направлен в Воронежское суворовское военное училище. Участник исторического Парада Победы в Москве в июне 1945 года. Ветеран ВОВ. Капитан запаса. Сотрудничал в газете «Алтайская правда» и на краевом радио. В командировках буквально изъездил весь Степной и Горный Алтай. Выступал с репортажами и очерками на Всесоюзном радио, в «Советском спорте», «Литературной газете». В журналах «Спортивная жизнь России», «Сибирские огни», «Новосибирск» и др. Совместно с композитором Георгием Ивановым создал пьесу «Два цвета времени», поставленную на сцене Новосибирского театра музкомедии, которая была выдвинута и принимала участие в конкурсе на соискание Государственной премии СССР. Является лауреатом премии ВДНХ и Союза журналистов СССР за очерк о семье новосибирских конструкторов новой сельхозтехники. Награждён орденом «За заслуги перед отечественной журналистикой» 1 степени и др. правительственными наградами. Но это всё сухие факты, а душу Вадима Семёновича можно понять, читая его замечательные произведения и слушая волнующие воспоминания. Вот, например, как он рассказывает о своих первых днях в стенах Воронежского СВУ. «В тяжёлое время, сразу после Курской битвы, в СССР стали открываться Суворовские и Нахимовские военные училища, похожие во многом на старые кадетские корпуса. Одним из первых создано было такое училище в Воронеже – Вж СВУ. Город был полностью разрушен, как и Сталинград. Здесь два года прямо через центр проходила линия фронта.

Лишь на левом берегу реки, в заводском районе, который звался «Придача», уцелели два корпуса военного городка, построенного ещё в царское время. В нём и разместилось Суворовское, начальником которого был назначен бывший выпускник Псковского кадетского корпуса, сын Георгиевского кавалера, генерал-майор Баланцев...»
 «Первое знакомство начальника училища с будущими подопечными состоялось на моих глазах. Поэтому рисую картину так, как она мне запомнилась... Перед широкоплечим, плотным генералом стоит худенький отрок в заплатанной стёганке и в широких лаптях. Между ватником и лаптями – светло-серая полоска онучей, перевитых до колен домотканой верёвкой. Отрок словно шагнул с дореволюционной картинки в Букваре под названием «Крестьянские дети».
 Мне более привычно продолжить рассказ стихами, поэтому приведу далее своё стихотворение, навеянное воспоминаниями Вадима Семёновича.

ПЕРВЫМ СУВОРОВЦАМ СССР

«Где вы, братья-кадеты
 Самой первой волны,
 Кто со мной в 43-ем
 Прорастал из войны?
 Прорастили и смело
 В жизни шли до конца
 И не раз под прицелы
 Подставляли сердца!»
 (Вадим Михановский)

Пацан стоял в худых лаптишках,
 Отца утратив на войне,
 По виду вроде бы мальчишка,
 По факту – труженик вполне.

Познал он рано вкус работы,
 Покуда батя воевал -
 Он боевые самолёты
 Для фронта год уже клепал.

Теперь стоит в строю в онучах,
 Не понимая, почему
 Его привёл счастливый случай
 В строй новобранцев СВУ?

Ну, как страна в войне кровавой
 Всё для него найти смогла
 И боевого генерала
 Ему в наставники дала?

Тот был в бою, горел в огне
 И, словно равному вполне,
 Мальчишке руку крепко жал
 Орденоносный генерал.

Дела великие творились
В те легендарные года –
И в 43-ем очутились
В строю мальчишки навсегда.

Уже побитые судьбою
И обожжённые войной,
Всё брать обученные с бою,
Судьбы не знавшие иной.

И поколение состоялось!
Спасибо, Родина, тебе,
Что в ту годину догадалась
Стать их наставницей в судьбе.

Потом сполна они заплатят,
Как ты учила их платить -
На долю их конфликтов хватит
И хватит крови, чтоб пролить!

Но ни о чём не сожалеет
Тот 43-его набор,
Вот жаль, что круг его редееет,
Со смертью уступая спор.

Страна моя, в каких сусеках
Таких нашла богатырей,
Готовых всякую прореху
Заделать жизнью своей?

Готовых рвать зубами глотку,
Себя и в малом не щадя,
И в том была твоя находка
И гений мудрого вождя!

А теперь вновь вспоминает Вадим Семёнович Михановский..
«Автор этих строк прибыл в Вж СВУ с одной из самых первых групп в октябре 1943 года. В старшей, первой роте, которой командовал капитан-краснознамёнец Василий Тимофеевич Борисенков, уже находилось десятка полтора ребят. Все – тринадцатилетние, почти все успели поработать в колхозах и совхозах, на заводах и военных мастерских, некоторые были сыновьями полков, почти все прошли через голод и холод военной поры, эвакуацию и блокаду... И вот мы здесь! Остриженные после бани наголо, в одинаковом обмундировании с малиновыми погонами, отороченными белым кантом, мы все походили друг на друга, как один выводок у клушки.»
«Сейчас бы я добавил: и были очень хорошие учителя. Их, ушедших на фронт из школ, в том числе и с институтских кафедр, направили в конце 1943 года в Суворовские и Нахимовские училища для организации учебного процесса... И они, эти наставники, имена которых с благодарностью вспоминают до сих пор мои побратимы, в короткое

время сумели дотянуть нас до стартовых позиций, с которых продолжился наш жизненный путь.»

И вновь я позволю себе продолжить этот очерк своим стихотворением по мотивам воспоминаний Вадима Семёновича.

СТАЛИН И СВУ

В эпоху грозных испытаний,
В год 43-ий фронтовой
Усыновил товарищ Сталин
Вас государственной рукой.

И вы в сиротстве не пропали,
И голод вас не подкосил –
Вас спас тогда великий Сталин,
Не пожалев ни средств, ни сил.

Проста история кадетства,
Когда в неё я заглянул -
У вас война украла детство,
А Сталин вам его вернул.

Пусть говорят, что был тираном
И ни за что мог расстрелять -
Но для тирана как-то странно
Сирот в дворцы переселять.

А вы, элита перестройки,
Новоявленный «высший свет»,
Пролезли в князи из помойки
И что вам дела до кадет?

Вам СВУ обузой стали,
Завет Суворова постыл,
Эх, был бы жив товарищ Сталин –
Он вас бы вмиг окоротил!

Восстань, великий укротитель
Алчбы и подлости людской,
Советских СВУ родитель –
Ушёл ты рано на покой!

Во время первой нашей встречи меня глубоко поразило горькое чувство в голосе Вадима Семёновича, с которым он признал, что стройные шеренги суворовцев первого призыва редуют с каждым годом, несут невосполнимые потери. Он вспоминал своих однокашников поимённо и с чувством гордости за их достойную жизнь. Вадим Семёнович – гражданин, и об этом, в первую очередь говорят все его произведения. Приведу ещё одну его цитату.

«После одной из наших традиционных встреч на воронежской

земле, когда оказалось, что пофамильный список нашей роты по-
редел больше, чем наполовину, у меня невольно родились строч-
ки, обращенные к моим однокашникам, погибшим в различных го-
рячих точках — от Анголы и Египта до Вьетнама, Кореи, Кубы и
Афганистана:

Где вы, братья-кадеты,
Самой первой волны,
Кто со мной в 43-м
Прорастал из войны?
Прорастали и смело
В жизни шли до конца,
И не раз под прицелы
Подставляли сердца!

Как ни горько это говорить, но ничего не изменилось в этом плане и полвека
спустя! Не думаю, что за это время поумнели военачальники и политики. Устраивая
локальные войны и так называемые оранжевые революции, взрослые дяди из
вполне уважаемых государств толкают на гибель кого угодно, только не себя
и своих отпрысков. Зато очень громко рассуждают в парламентах и прессе о
свободе, равенстве, демократии, плюрализме, толерантности и прочем словоблудии,
за которым стоят искалеченные ими же души молодых людей. Те пока ещё верят
громким фразам, пока ещё не сомневаются ни в красиво звучащих лозунгах, ни в том,
что они совершают по указке со стороны.

* «Для того, чтобы государство благоденствовало, чтобы народ был счастлив в этом
государстве, им должны управлять специально подготовленные граждане. Для этого
обязательны следующие условия:

1. Эти граждане должны быть хорошо воспитаны и хорошо образованы.
2. Воспитываясь, они должны жить вместе. Воспитывает коллектив!
3. Воспитание должно быть всеобъемлющим — моральным, религиозным,
художественным, музыкальным, спортивным, военным.
4. После получения такого образования воспитанник должен служить государству как
воин.
5. Лучшие из воспитанников в последующем должны обучаться ещё и философии, в
том числе и государствоведению. Лишь после этого они должны управлять государством,
а лучшие из лучших возглавлять его».

(Из бесед Платона с учениками о «Законах» и «Государстве».)

Как говорится, не убавить, не прибавить.»

А в заключение этого небольшого очерка о суворовце первого призыва и моём старшем
друге Вадиме Семёновиче Михановском я приведу своё, посвящённое ему стихотворение.

СТРЕЛЕЦ ИЗ БЛИЗНЕЦОВ

«Сам не верю: шесть десятков лет
Нашенской суворовской дружине!
Но за тех, кого сегодня нет,
Тихо встанем и бокалы сдвинем...
... Мы стрелы в созвездье Близнецов».

(Вадим Михановский, Воронежский первосуворовец)

* * *

Мой старший друг, ты крепок, как атлет,
Ты строен, сед и опытом увенчан,
В одном лице кадет ты и поэт,
Король пера и покоритель женщин.

Первосуворовец – таинственно звучит
Для младших поколений слово это,
Являет выправка твоя, и внешний вид
Нам образец советского кадета.

Вадим Семёныч, дорогой мой человек,
Воронежский суворовец былинный!
Суров бывал к тебе двадцатый век,
Но ты прошёл достойно путь свой длинный.

В стихах своих ты к Господу воззвал,
Чтоб к двум семёркам Он добавил третью,
А сам восьмой десяток отшагал,
И дай-то Бог, десяток не последний!

На службе у словесности родной
Ты состоишь с полста восьмого года,
Вадим Семёныч, кто ещё с тобой
Сравнится из Суворовской породы?

Кадет и друг, ты мудр, как старый змей,
Ловлю внимательно взыскательное слово,
Которое по доброте своей
Даруешь мне, принявши вид суровый.

Твой интеллект – гранитный обелиск,
Твёрд и высок, впечатан прямо в небо,
Он возносил тебя в такую высь,
К которой никогда я близко не был.

Завидую я участи твоей,
Кадет, поэт и описатель судеб,
Живёшь достойно ты среди людей
Своею жизнью. А другой – не будет.

Ты родом из военных пацанов,
Одевших алые погоны в сорок третьем,
Стрелец ты из созвездья Близнецов
Без братьев, что ушли от нас в бессмертье...
13 июня 2012г. Новосибирск

Свинячий супчик рассказ из цикла борискины записки

Записка первая

Что тянет человека к перу и бумаге, в данном случае, к клавиатуре и монитору? Почему так неодолимо хочется припомнить, как можно больше, и заглянуть в прошлое, как можно глубже, перенося возникающие, не совсем ясные картинки на бумагу? Кто ответит? Ну, допустим, напишу я про своё детство рассказ один – другой, и кому это будет интересно, кто потратит своё время на чтение? Ведь это будут записки о моём детстве, а у остальных людей оно было своё, неповторимое, зачастую, ничем примечательным не отличающееся, но, тем не менее, вызывающее вполне определённые тёплые чувства. А моё – оно персонально моё, и интересно может быть только для меня. И тут в мои рассуждения прокрадывается некое сомнение в правильности моих предположений. Конечно, детство у людей строго персональное, но если в некоторых воспоминаниях обнаружатся общие черты, созвучные чувства, близкие оценки, то и читателям будет интересно убедиться во всеобщности, так сказать, их детских переживаний. Убедиться в том, что всё у них в детстве было в порядке, всё «как у людей», и нечего комплексовать и кукситься на «несчастливое» детство.

А по поводу правомочности перенесения воспоминаний на бумагу в виде печатного текста, то для меня ответ здесь лежит на поверхности. Вот выхожу я, допустим, из ограды на улицу и вижу, что на тротуаре за ночь намёрз ледок. Но я ведь не задаюсь вопросом, а нужно ли мне дорожку почистить, и кто будет по ней ходить. Нет, я просто беру лопату или пешню и скалываю лёд. Я всем нутром своим чувствую, что это нужно сделать. Вот и про детство своё написать я чувствую неодолимую потребность. А там как Господь положит...

Какая такая надобность толкает людей на обнаружение своих воспоминаний или фантазий? Мне здесь видится множество причин для этого довольно рискованного предприятия. Да, причин много, но цели у людей, рискнувших заняться писательством, практически всего две.

Часть людей, я бы причислил их к неутомимому роду оптимистов, пытается таким образом найти скрытые смыслы и неочевидные мотивы в окружающем мире и в той, на первый взгляд, бессмысленной суеде по добыванию хлеба насущного и называемой кратко - человеческой жизнью. Эти люди бесстрашно погружаются в самые глубины своего «Я», открывают читателю самые потаённые уголки своей души, не утрущаясь ни упреков в индивидуализме, ни предвзятого непонимания, переходящего в активное неприятие тех нравственных категорий, на которых зиждется внутреннее самостояние новоявленного писателя. В самом общем случае о цели их писательских трудов можно сказать, что эта цель описывается в пределах Основного вопроса философии. А как он звучит? Правильно: «В чём смысл жизни?»

Вторая половина писателей, воспоминателей и мемуаристов отнюдь не озабочена сложными философскими вопросами. Нет, она просто не принимает эту жизнь, считает её бессмысленной и жестокой, она элементарно боится и этого мира, и этой жизни. И бежит от неё в иной, неземной и справедливый, выдуманный виртуальный мир фантастических романов, бесконечных сериалов, детективов и комиксов. Выдумать новый справедливый мир гораздо легче, чем попытаться этот сделать хоть на малую толику удобней для житья.

Вот и меня не минула участь эта, и я собрался-таки с силами и приступил к давно задуманному делу – написать несколько страничек о своём раннем детстве. Именно о раннем, ограничивая этот период походом в школу сверху и, сколько вспомню со своего рождения, снизу. Я до того заряжен этой темой, что мне уже снятся какие-то сценки из

детства и целые абзацы из будущих рассказов. А это значит, что нужно собраться с духом и приниматься за дело.

А начну я этот свой рассказ попыткой проникнуть в прошлое как можно глубже, обстоятельно вспоминая любые мелочи, анализируя их и дополняя непротиворечивыми результатами логических построений. С Богом!

Итак, что же я помню из самого-самого раннего? Нужно найти в памяти такой эпизод, чтобы по нему можно было провести хронометраж и определить, с какого возраста я себя помню.

Деревня наша Шагирка стояла на речке Чёке на самом севере Кыштовского района Новосибирской области. Основанная Столыпинскими переселенцами, она располагалась по левую сторону Чёки, в красивой излучине реки на приметно поднятом берегу. Это небольшое возвышение земли (как и любое другое) в деревне называлось «гровкой». На этой гровке стояли избы клуба, правления, школы и магазина сельпо. Вот пишу эти строки, а перед глазами сценка, как мой «тятя» (папа) возле сельпо выбивает из бутылки водки пробку одним ударом ладони о донышко. Но о тятя и водке чуть позже.

Итак, Шагирка растянулась по левому берегу речки и состояла из одной улицы. Деревня наша была невелика, хозяйств на 30 – 40, ни колхоза в ней не было, ни церкви. А если без церкви, то, стало быть, деревня, а не село! А вместо колхоза – отделение.

Я к чему тут в географию ударился? А чтобы возраст свой попытаться вычислить! От сельпо налево по улице через четыре усадьбы по каждой стороне, и вся Шагирка кончалась в этой стороне. За домами на пустыре стояли какие-то механизмы сельские, а за ними – ограда вокруг деревни, или, по-деревенски, «прясло». Прясло это ограничивало в передвижении всякую крупную домашнюю живность и сооружалось без каких-либо механизмов при помощи топора и какой-то матери. Я отца наблюдал за этой работой. Деревенская улица у ограды превращалась в дорогу и через немудрёные ворота убегала за семь километров в село Бочкарёвку, в которой и находилось правление колхоза. Для полноты картины необходимо уточнить, что ворота в прясле назывались в деревне поскотиной.

Вот неподалеку от поскотины, третий по счёту с левой стороны и стоял наш дом. А через дорогу был дом «тятиных» родителей – деда Исака и бабы, дай Бог памяти, имени не помню. И неудивительно, потому что было мне тогда от роду года три, ну, максимум четыре. И всё, что я помню об этой бабушке, так это тот факт, что она с семьёй сходила на Троицу на могилки, там её продуло, она слегла и через неделю преставилась. А я помню не только факт её смерти, но и посещение могилки, и как нас, пацанов, угощали там конфетами – подушечками. Ничего более раннего вспомнить не могу.

Похоронили бабушку, прошло лето, наступила зима с холодами и снегами, чётко помню, как отец подъезжал к дому на гусеничном тракторе и уминал снежные наносы вокруг дома. А перед самым Новым годом к нам на постой определились два геолога, которые на севере района нефть искали. Нефть там нашли только в наше время, а у меня в памяти следок. И ещё у геологов я впервые увидел чудо чудное в фанерной коробочке – шахматы! Они меня буквально заворожили, я мог часами смотреть, как эта бородастая парочка «щёлкала» партии. А что ещё зимою делать?

Дальше – провал в памяти, как мозги не напрягаю. Видимо, не было значительных событий в моей голопузой жизни. Да и не до меня, несмышлёныша, тогда было окружающим. Время стояло нелёгкое, люди трудились, не разгибаясь, ведь страшная война всего десять лет, как кончилась. Народ жил в нужде неопикуемой, это и представить сейчас трудно. В деревне не было электричества, радио, почты и медпункта. Одежку всякую сами изготавливали: ткали полотно, выделывали кожи, шили всю верхнюю одежду сами, как могли, обувь тачали, валенки валяли. Помню, когда мама привезла мне

из райцентра маковый бублик на гостинец, я с ним с неделю играл, прежде, чем съесть!

Итак, минула зима после смерти бабушки, и отец как-то распорядился с нашим хозяйством, слишком уж неказистое оно было. Жить мы переехали к отцу моей мамы, деду Онуфрию и бабе Параскеве (Параське). Отец работал в МТС, дома по хозяйству и ещё умудрялся как-то лес на новый дом заготавливать. А мама? А мама жила как-то незаметно, обшивая и подкармливая нас. Стыдно, но я её помню в то время гораздо хуже, чем отца.

Прошёл год, и во второе лето после смерти бабушки нам поставили новый дом. Вот это событие я помню уже довольно отчётливо, я уже заметно подрос и из малыша превратился в мальчишку. И теперь можно хотя бы примерно прикинуть возраст, с которого я себя помню.

Итак, полтора года после смерти бабушки суммирую с одним годом на постройку дома и с одним годом жизни в новом доме и получаю три с половиной года. От семи лет до школы отнимаю эти вспомнившиеся три с половиной года и получаю три с половиной года от моего рождения и до первых вразумительных воспоминаний. Конечно, плюс – минус тут возможен, но, мне думается, небольшой.

И здесь мне представляется случай, пусть вкратце, но сказать несколько слов о том, как нам строили новый дом. В то время я уже привыкал быть на людях, а не у мамки под присмотром, и строительство нашего нового дома мимо меня пройти не могло. А дом нам ставили «обчеством», как говорили родители. Заготовили материал, инструменты, составили бригаду из соседей, назначили день и в два дня поставили дом-пятистенник, даже крышу берестой покрыли. Да, именно заранее заготовленными листами бересты, что было для меня удивительно, потому что наш старый дом покрыт был земляными пластами. Кто не знает, пласты – это вырезанные лопатой из почвы с крепким дёрном земляные, так сказать, пластины. Вот так и стояли дома под пластами, а на крышу, бывало, корова взбиралась, чтобы зелёную травку там пощипать. С крыши до солнца ближе, там трава раньше зеленеет, чем внизу.

А мне эта передислокация была тем дорога, что теперь через дом от меня жил мой двоюродный брат и одноклассник Фёдор. Сошлись мы с ним, не разлей вода! Летом на рыбалку, предварительно надёргав волосинку на леску из конской гривы, весной в кустарники за деревней «зорить», как мы говорили, с солью птичьих яйца из обнаруженных в кустарнике гнёзд, зимой силки на зайцев ставить. Фёдор был поосновательней меня, спокойный и рассудительный. Он и теперь такой. Какое приключение своё детское не вспомню, Федя непременно рядом. И пчёлы меня с ним поедом на пасеке ели, и охотничья собака мне пол ягодицы откусила у него во дворе, и под лёд я по его подсказке провалился, благо, это лужа была, с полметра глубиной.

Вспоминается, как мы, накатавшись на санках с горки возле школы, заявились в дом к моей бабушке Параське. Дома никого не было, хотя тогда мы ещё жили в доме деда и бабушки. Значит, нам лет по пять было. Мы после катанья возбуждённые чрезмерно и нешуточно голодные. Хватит – похватит, а на столе только пол краюхи хлеба и миска крупной соли.

- Надо бы в печи посмотреть, - изрёк рассудительный Фёдор, ткнув пальцем в сторону тёплой русской печи, возвышавшейся справа от входных дверей.

Я подскочил к печи, отодвинул заслонку, а там прямо на выходе, рядом с загнеткой стоит аккуратненький такой, маленький чугунок, накрытый пустой миской.

- А давай-ка чугунок сюда, - подытожил наши поиски Федя и стал устраиваться за столом.

Я надвинул на руки рукавицы, которые всегда лежали у печки для подобных случаев, и перенёс чугунок на стол. В нём, под миской, обнаружился вкусный молочный супчик,

который мы и наворачнули с братом прямо из чугунка, не наливая даже в миски. Потом погрелись, обсохли – и снова на горку, день ещё не кончился.

А часам к пяти дня пришло время домашнюю скотину кормить. Я уже был дома, листал «Мурзилку» и тут слышу бабин голос:

- Василиса (это мама моя), ты чугунок из печи никуда не подевала?

- Ничего я, мам не трогала, я полчаса, как с работы пришла. Может Вы куда поставили и забыли? Что за чугунок-то?

- Да ничего я не забыла! Утром, как все позавтракали, я остатки со стола да из мисок собрала, картофельные очистки туда добавила, скибку хлеба покрошила и залила всё в чугунке водичкой, которою молочную посуду мыла. А что б допрело всё и к обеду тёпленьким было, поставила чугунок этот в печку у самой заслонки. А тут наваждение такое – ни чугунка, ни супа, и поросёнок голодный визжит, надрывается!

У меня и «Мурзилка из рук выпал. Мы, оказывается, свинячий суп съели! Ну, дела! А вдруг в нём что-то вредное? А не заболеем ли мы?

Через считанные секунды я уже был на коленках у мамы и, запинаясь, рассказывал ей эту историю с поросячьим чугуном. Бабушка слушала, посмеиваясь, а потом успокоила меня:

- Ну, что ты, внучок, переживаешь? Ничего плохого в этом супе не было. Я и картошку даже пред тем, как почистить, тёпленькой водой помыла. Не заболеете, не переживай, вот только пацанам не рассказывайте о поросячьем супе – могут засмеять.

И я, вспомнив эту забавную историю, улыбнусь вслед двум сродным братьям и порадуюсь тому, что они оба, слава Богу, живы – здоровы. Видно, супчик тот поросячий был не только безвредным, но и весьма полезным. И вкусным, я это точно помню!

Молочный зуб рассказ из цикла борискины записки

Записка третья

В это утро я проснулся раньше обычного. Сон мой прервала мамина рука и предчувствие большого приключения. Вчера вечером мои родители решили свозить меня в Бочкарёвку, на приём к фельшерице Надежде Ильиничне. А дело было в том, что у меня уже три дня болел зуб, с которым справиться самим нам никак не удавалось. У меня и раньше возникали проблемы с молочными зубами, но мы с мамой вполне успешно при помощи крепкой нитки удаляли эти проблемы вместе с очередным зубом. Р-р-аз! – и вот он, больной зуб, уже на ниточке висит. А этот, ну, никак не поддавался, и мама решила отвезти меня в фельдшерский пункт, а заодно и свою младшую сестру, тётю Полину, проводить.

Жила тётя Полина в ближайшем к нам селе, прозываемом Бочкарёвкой, с мужем дядей Александром Ефимычем и дочкой Нелей, которая была годом меня старше. До Бочкарёвки ходу было километров шесть по дороге, что вилась вдоль речки Чёки. Летом расстояние это почти никого не смущало, а вот зимой, особенно после обильных снегопадов, дорогу напрочь заметало, и чтобы восстановить сообщение с большой, так сказать, землёй, необходимо было приложить определённые усилия. Для прокладки дороги до Бочкарёвки использовалось высшее достижение тогдашней инженерной мысли – клин! Клин представлял собой треугольник из трёх могучих брёвен, скрепленных намертво железными полосами и скобами, и буксировался на толстой железной цепи за гусеничным трактором. И вот таким образом в течение снежной сибирской зимы восстанавливалась дорога до нашей родни, а также до медпункта, до почты и до библиотеки. Для нас с Бочкарёвки начиналась цивилизация, потому что там даже радио было!

Вот об этой Бочкарёвке и пошла речь, когда мама заговорила вчера в обед с отцом о моём зубе.

- Отец! - начала мама, едва папая отложил ложку, - Ты не поможешь мне с Бориской завтра к Полинке съездить? Смотри, два дня уже малец с зубом мается, не пожевать, не поспать ладом. Мы с ним пробовали, как обычно, зуб этот ниткой суровой выдернуть, но не получается – крепко сидит, заматерел. Свезу-ка я Бориску к Ильиничне, уж она-то это дело выправит!

- Ну, а чего? Езжайте, - ответил отец, подумав немного. – Дорога налажена, клин только третьего дня протащили туда – обратно. А с зубом шутить – себе дороже! Ты же помнишь, как меня в том годе прихватило – хоть на стену лезь! Я уж его, треклятого, и одеколоном тройным жёг, и пассатижами тянул, но не вытащил, а только расколол на части. Потом напился у Николая Боровкова самогонки до бесчувствия и уснул, не помню, как. А утром, слава Богу, отпустило по неведомой причине. Так что поезжайте, поезжайте, и думать нечего. Я через часок пойду на работу, заверну в Правление и занаряжу у бригадира лошадь с санями на завтра.

Я так и подпрыгнул в своём углу с немудрёными игрушками:

- Тятя, тятя, занарядьте Серко, ну, пожалуйста, пускай мы на Серке в Бочкарёвку поедem!

- Ну, что ж, Борька, можно и Серка запрячь, лишь бы он свободен был, на другую работу не выписан, - последовал ответ отобедавшего и пребывающего в благодушном настроении отца. Он достал из кармана металлическую баночку из-под монпасье, в которой у него была махорка и особым образом сложенный обрывок газеты. Свернув внушительную самокрутку, он пересел на табуретку у печи, закурил, а мы с мамой принялись обсуждать подробности завтрашней поездки.

И здесь просто необходимо разъяснить мою просьбу, адресованную отцу. Дело в том, что этот самый Серко был нашим общим любимцем из числа колхозных лошадей. Деревня наша была небольшая, даже маленькая, и общественных лошадей в конюшне было совсем немного. Да и лошади были все старые, работой изнурённые. И Серко, молодой, красивый конь серой масти вызывал у нас, пацанов, необъяснимую симпатию. Я помню, что частенько угощал его припасённой заранее корочкой ржаного хлеба, прежде чем выдернуть у него из гривы два – три волоса для лески на удочку. Да и будучи молодого возраста, Серко и запряжённый часто, без всякого понукания, самостоятельно переходил с размеренного шага на энергичную рысь от избытка сил, видимо.

От заполнивших мою голову ожиданий и мечтаний у меня и зуб болеть почти перестал, и игрушки стали неинтересными. Я с нетерпением ждал, когда отец придёт с работы и подтвердит завтрашнюю поездку. Ждал я отца с таким упорством и нетерпением, что даже устал от этого ожидания и, сморившись, уснул в своём тёплом углу с игрушками.

Проснулся в этот раз я не сам, а от лёгкого прикосновения маминой ладони, положенной на мой лоб.

- Ну, просыпайся, сынок, пора – скоро отец подъедет. Как ты себя чувствуешь, зуб не болит?

Зуба я спросонья совершенно не чувствовал и, чтобы убедиться в его присутствии, немедленно сунул палец в рот. Вот он этот зуб, на месте, шевелится в десне, но никуда не делся. Значит, нужно ехать к Надежде Ильиничне, чтобы его выдернуть. И, странное дело, при мысли о вырывании зуба во мне не возникало панического чувства, сопровождающего посещение стоматологического кабинета уже во взрослом возрасте. Этот страх придёт позже.

В доме уже все давно проснулись, отец с утра задал сена овечкам и корове, мама попоила и покормила прочую домашнюю живность, осталось только меня поднять и собрать в дорогу. В замёрзшее окно уже всюду светило солнце, на стенке над столом в солнечном луче весело стучали цепочные «ходики», отсчитывая минуты нового дня.

Сборы мои были недолгими, тем более, с маминой помощью. А вот уже и на улице раздался скрип подъезжающих саней и отцовский голос, обращённый к коню с обычным мужским напутствием. Потом открылась входная дверь, и в дом вошёл отец вместе с клубом белого морозного воздуха.

- Здорово бывали, лежебоки! Готовы в дорогу? Сани поданы, а ну, выметайся на улицу! – приветствовал нас тятя с добродушной строгостью.

Мама помогла мне застегнуть меховую шубейку и накинула поверх шапки и шубки старую шаль, завязав её концы мне крест на крест за спиной.

- Выходи, сынок, на улицу, а то сопреешь здесь одетый. Я вас догоню.

Я вышел на улицу и осмотрелся, стоя на крыльце.

Морозец стоял крепенький. Он сразу же стал пощипывать меня за нос и щёки, холодный воздух обжигал рот и горло при дыхании. Сам воздух был неподвижен и прозрачен и, казалось, звенел от мороза. Деревня уже давно проснулась, в домах топились печи, и дым из труб поднимался серо-голубыми столбами в безоблачное небо. Солнце, небольшое, но необычно яркое, жарко пылало над горизонтом. Стоял конец декабря 1957 года, мне было от рода шесть лет, и вся жизнь лежала впереди.

Возле дома на улице уже стояли сани с запряжённым Серком, который приветствовал моё появление негромким ржанием. Я, неловкий в шубейке, в валенках не по ногам да ещё увязанный в материнскую шаль, заковылял с крыльца на улицу. Серко, похрапывая, переминался с ноги на ногу, косил на меня большими выпуклыми глазами. Он, видимо, понимал, что ему предстоит не тяжёлый труд, а лёгкая прогулка, и с нетерпением показывал свою к ней готовность.

А мороз с утра стоял на улице приличный, казалось, сам воздух звенел и потрескивал, даже извечные забияки – воробьи попрятались по амбарам и застрехам, а кто не успел спрятаться, валялся замёрзший на дороге. Для привычного к улице Серко тоже было довольно холодно, и он стоял в наброшенной на спину попоне, морда его возле ноздрей и рта была в маленьких сосульках, а изо рта, как у Змея Горыныча, вырывались струи сизого пара.

- Привет, Серко! – Я хотел было погладить его по морде, но мешала горбушка хлеба, зажатая в большой рукавичке. Я предложил ему хлеб, и Серко аккуратно взял его у меня большими серыми губами. Пару раз хрупнув небольшим сухарём, он начал тыкаться большой головой мне в руки, выпрашивая ещё чего-нибудь вкусенького.

- Борька, марш в сани! Не балуй лошадь! – раздался с крыльца голос отца, мама тоже показалась за ним с каким-то узелком в руках.

Я взобрался на сани, мама тоже уселась рядом, отец набросил на нас двоих большой лохматый тулуп, подал в руки маме вожжи и звонко хлопнул ладонью Серко по крупу.

- Счастливого пути, граждане! – напутствовал он нас шутейно и, не оглядываясь, зашагал к крылечку.

А Серко будто только и ждал команды «марш». Он легко сдёрнул сани с места и резвой рысью устремился вперёд. Я, не ожидавший от коня такой прыти, даже на спину завалился, а Серко всё набирал скорость, разгоняя, видимо, застывшую кровь. Мама вожжами придерживала его прыть и свободной рукой помогла вернуться мне в сидячее положение.

- Эх, - подумалось мне, - здорово мы едем, вот только жаль, что в обычных санях! Вот бы тятя кошёвку нам подрядил! Приехали бы к тёте Полине, как короли.

Но кошёвка, видимо, нам не полагалась, в ней ездили только деревенские начальники, бригадир и учётчик. Субординация тогда соблюдалась строго.

А я, несмотря на свой малый возраст, в сельских повозках разбирался уже довольно хорошо. И, надо сказать, в повозках этих наблюдалось изрядное многообразие. Из зимних я знал сани – розвальни и, как уже было сказано, кошёвку, которая была как бы легковым автомобилем для местного руководства. А в летних повозках выбор был побогаче. Самым тяжёлым был фургон, предназначенный для перевозки тяжёлых грузов и в который запрягалась пара лошадей. Потом обыкновенная телега, лёгкая телега – бричка и ходок, летний вариант кошёвки, на котором к нам изредка приезжали даже инструкторы райкома во время посевных и уборочных кампаний. Приезжали, ели от пуза сало и домашнюю колбасу, запивая крепчайшей самогонкой, и, написав кривыми строчками отчёты, убывали в сторону райцентра Кыштовки, загруженные в ходок в горизонтальном положении.

Так думал молодой Бориска, в тулупе сидя на санях...

А тем временем накатанная дорога с лёгким скрипом бежала нам под сани. Серко приноровился к определённой скорости, только ноги мелькали, и селезёнка ёкала под его крутыми боками. Он, безусловно, прекрасно знал дорогу и, после того как мы по мосту переправились через Чёку, совершенно не требовал управления. Дорога была довольно однообразная, разговаривать с мамой через укутавшую мою голову шаль было не очень-то удобно, и я незаметно задремал, навёрстывая недосып, случившийся из-за раннего подъёма.

Проснулся я, когда мы из леса выехали на гриву, на безлесное поле, плавно идущее на подъём, на котором летом располагались посевные угодья колхоза. На них и работал мой тятя на всех небогатых механизмах того времени. Пахал, боронил, сеял, культивировал, жал и опять пахал и на колёсном тракторе, и на гусеничном. Я к нему сюда этим летом на велике приезжал, чем удивил отца нешуточно. Так удивил, что он даже затрещину мне

отвесить позабыл за такое путешествие!

Минут через пятнадцать и Бочкарёвка в морозном мареве показалась. До дома тётки Полины ехать почти через всё село, у всех на виду, и я после поскотины упросил маму дать мне вожжи.

- Ну, что с тобой сделаешь, порули, ямщикок! – сказала мама, передавая мне вожжи, ты только коня не понуждай, он и так бежит, старается.

Мама, она всегда мама, ей и коня жалко! Хотя, чего его жалеть? Серко тянет сани, будто балуется. Впереди показался неглубокий овраг с пологими краями, оставшийся от протекавшего когда-то здесь ручья. Это старое русло делило село примерно пополам, а за ним по правую сторону стоял магазин сельпо и тётин дом с палисадником. Я привстал на ноги, пошевелил чутко вожжами и прикрикнул на конягу.

- Н-н-но, не балуй!

Серко встрепенулся, перешёл на лёгкий намёт, сани наши буквально вылетели из овражка и, эффектно повернув направо, подкатили к тётину палисаднику. Мы приехали.

Не успели сани остановиться, как из-под ворот к нам с залихватским лаем подскочила маленькая лохматая собачонка и ну вокруг саней круги описывать. А пока мы из тулупа освобождались и с саней спускались, из калитки вышла тётя Полина, прикрикнула на собаку и давай с мамой обниматься. Надо понимать, как она была рада нашему приезду, неожиданному и скоростному! Мы ведь не могли сообщить ей о нашем визите, потому как не на чем было сообщать. Ни телефона, ни радиации – шмации тогда между нами не существовало и в помине. Связь с родней поддерживалась только с оказией или при личной встрече.

Тётя Поля завела нас в дом, и я как в новый мир попал. На окнах тюлевые занавески, на полу домотканые дорожки, пол выкрашен масляной краской, над столом висит керосиновая лампа «летучая мышь», а в углу играет музыку большой чёрный репродуктор.

В доме тепло, чисто и ... празднично!

Дядя Александр Ефимыч пошёл коня устраивать, а мы разделись, прошли в дом, помыли руки под рукомойником и расселись за столом. Тётя Поля сунула мне пряник в руку и разговорилась с мамой, а я сидел молча и только морщился от боли, попытавшись куснуть глазированный пряник и ощутив горячий прострел боли от прикосновения к больному зубу.

- А что, - частила тётя Поля, - Ильинична, слава Богу, никуда не уехала. – Вот чай попьем и сходим к ней. Она поможет, ты, Борька не сомневайся, зуб выдернуть – не роды принять! Плёвое дело.

Так и вышло, как тётя Поля говорила. Медпункт находился неподалеку, в одной половине дома, а во второй половине жила сама Надежда Ильинична. Мы, возглавляемые тётей Полиной, проследовали до этого дома, на стук вышла хозяйка, сопроводила нас во вторую половину, где велела мне снять верхнюю одежду и усадила на стул под яркой лампой.

- Закрой глаза, Бориска, и открой рот, - сказала Надежда Ильинична и подойдя ко мне почти вплотную, звякнула чем-то металлическим. Мой язык ощутил во рту что-то холодное, и мне в десну словно шилом кольнули. Я отрыл от неожиданности глаза и увидел, как фельдшерица закладывает мне в рот комочек белоснежной ваты.

- Всё, больной, операция проведена успешно, - с улыбкой сказала Надежда Ильинична и протянула мне удалённый зуб. – Видишь, у твоего зуба четыре корня, но обычно их бывает три, а четыре гораздо реже, как у этого. Вот поэтому он вам и не поддавался. Приедешь домой, брось этот зуб за печку и скажи ему вслед: зуб, зуб, будь крепким, как

дуб, вырастай новый, острый и здоровый! И три раза сплюнь.

Я сидел молча, с ватой во рту и только хлопал глазами. И это всё? И ради этого стоило ехать за километры? Святая детская простота! Тогда я ещё не знал, что такое зубная боль. Надежда Ильинична завернула мой зуб в бумажку и отдала его мне. Со словами горячей благодарности на устах мама, я и тётя Полина направились до дома.

А там нас уже поджидал Александр Ефимыч и их дочка Неля. Она была на полтора года старше меня и уже ходила в школу. Тётя Поля работала на речке, снимала какие-то параметры и отсылала эти данные в райцентр, дядя Александр был в правлении колхоза при какой-то должности, по местным понятиям они относились к местной элите, поэтому и дом у них был обставлен особым образом, так сказать, эксклюзивно. Пока взрослые накрывали на стол в честь нашего приезда, Неля отвела меня в горницу, чтобы похвалиться своими богатствами. Я вполне равнодушно взирал на её самодельные куколки, разные тряпочки и открытки и осматривал чистую светлую комнату. Всё здесь было необычно и удивительно: две кровати, одна поменьше, другая побольше, с блестящими никелированными спинками, стол у окна и два стула за ним, а не табуретки или лавки, комод, покрытый вышитой салфеткой, а на ней несколько фарфоровых слоников. В углу стояла необычная конструкция из полочек, на которых стояли книги, и Неля называла это этажеркой.

Книги меня не заинтересовали, а вот то, что лежало на нижней полочке, притянуло меня, как магнитом. Это были журналы, как сейчас помню, «Костёр», «Пионер» и «Весёлые картинки»! Я прочитал названия, полистал «Костёр» с «Пионером», посмотрел в них картинки, посмотрел заглавия, а сами тексты в номерах читать не стал, для меня это было ещё сложно, я читать мог, но не усваивал прочитанное. И, наконец, «Весёлые картинки»! Я взял один номер, открыл его где-то на середине, вижу смешную картинку и читаю: «Идёт бычок, шатается, вздыхает на ходу: ой, доска кончается, сейчас я упаду»! Ну, умора, я так и зашёлся смехом. Вот это книжка! И не одна, вон их сколько – целая полка. Я уселся на пол поудобнее и углубился в журнальное богатство. Всё осталось где-то в стороне: вырванный зуб, двоюродная сестра Неля и даже вечный побирuşка Серко с его мокрыми губами. Я нашёл здесь целое сокровище!

Так я и просидел возле этажерки, пока мама не позвала меня к столу, обедать. Я направился на зов сначала с журналом в руке, но Неля забрала его у меня, обиженно фыркая на невнимание с моей стороны. А тётя Поля добавила, что буду я непременно большим начальником, коли так читать люблю. И подарила мне этот номер со стихотворением про бычка. Я даже подпрыгнул от восхищения и благодарности. Большого подарка на предстоящий Новый 1958 год я и представить себе не мог. Ай, да зуб! Вовремя он у меня заболел, думал я с благодарностью и незаметно поглаживал карман на штанах, в котором лежал завернутый в бумажку тот самый зуб.

После обеда мама, тётя Полина и Неля занялись изготовлением масок для нас на Новогоднюю ёлку. Тётя Поля выложила на стол припасённый откуда-то лист ватмана, ножницы, мучной клейстер в блюдечке. Она карандашом рисовала на ватмане маску в виде очков и треугольник – заготовку для носа. Мы вырезали всё это ножницами, а мама клейстером склеивала из бумаги носы для масок, длинные и острые, как у Буратино. Потом носы приклеивались к очкам, и получалась смешная маска с резинкой для крепления на голове. Потом тётя Поля развела в воде пару таблеток какого-то лекарства, по-моему, стрептоцида и этим раствором выкрасила маски в приятный золотистый цвет. Маски были готовы.

А там незаметно и время подошло собираться в дорогу. А то как бы не пришлось затемно домой по лесу ехать, что совсем не входило в мамины планы. Мы с шутками и улыбками оделись-обулись, собрали нехитрые свои вещицы, а там и Александр Ефимыч

наши сани к дому подогнал. Мы, попрощавшись и поблагодарив хозяев за тёплый приём, уселись в сани и помаленьку тронули с места. Застоявшийся Серко опять начал набирать скорость, но мама в этот раз не придерживала коня. Домой можно ехать и побыстрее. И Серко как чувствовал, что дорога наша ведёт к родному дому.

Бежал конёк весело и с ветерком, унося меня через застывший заснеженный лес в Шагирку, в новую жизнь, в Новый год. В этом году я пойду в школу, в этом году я буду со всей деревней ночью выходить на улицу и искать напряжённым взором в угольно чёрном небе блестящую летящую точку – наш Спутник, о времени и месте пролёта которого будут сообщать все радиостанции Советского Союза.

МЕСТО ВСТРЕЧИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ, ИЛИ ЗАБЕГ В ШИРИНУ СУВОРОВЦА НЕСТЕРЕНКО

«Праздник нужен душе, праздник! Я его долго жду!» Егор Прокудин, «Калина Красная». (Василий Шукшин) Как не хватает в нашей жизни Праздника! Проходят трудовые будни в суете забот о семье и о хлебе насущном, какие-то мелкие, почти ничего не значащие проблемы постоянно воруют твои часы и дни, уходят месяцы и годы неизвестно куда, а жизнь не становится длиннее, если ты даже и умудришься что-то решить по мелочи, ничего кардинально не изменив ни в своей жизни, ни в жизни близких и окружающих. «Быт заел!» - как часто мы слышим эти слова, не понимая ничуть, что за кратким сакраментальным выражением кроется тоска зелёная и могучий позыв к перемене обстоятельств и места действия незамысловатой драмы под названием - жизнь. «Не могли бы мы где-нибудь здесь организовать небольшой забег в ширину?» - это заявление Егора Прокудина с точностью снайпера попадает в цель и помогает всем желающим найти решение проблемы с монотонностью быта и отсутствием настоящего Праздника в нашей жизни. Василий Макарович Шукшин, тонкий знаток русского национального характера и удивительный мастер самобытного слова подаёт читателям краткий и ёмкий совет: «Если Праздника нет – устрой его!»

А светлый образ рефлектирующего вора Егора Прокудина по кличке Беда понадобился мне для того, чтобы объяснить досужему читателю, откуда есть пошла сама идея моей поездки в Екатеринбург, чтобы отметить там с друзьями и однокашниками некруглый юбилей – 65 лет явления в этот Божий мир суворовца Нестеренко Бориса. Где-то в конце апреля – начале мая мой друг, Кавказский кадет Пётр Берёзкин задал мне во время разговора по Скайпу вполне тривиальный вопрос, каким образом я собираюсь отмечать свой некруглый юбилей и в каких числах я отбываю в Екатеринбург. Пётр совершенно не воспринимал мои разъяснения по поводу весеннего обострения моего благоприобретённого недуга и слушать не хотел моих доводов о проблемах не только со здоровьем, но и с самими докторами. Но на то мы с Петей и друзья, чтобы уже через пару минут прийти к общей точке зрения, которая включала в себя и мою поездку в Екатеринбург, и возможное выступление моё в родном Суворовском училище, и скромный банкет в Кадетском Клубе персон на пятьдесят с приглашёнными цыганами и дрессированными медведями. Вот так было принято принципиальное решение в полном соответствии с заветом литературного героя мудрого Макарыча – по причине отсутствия праздника этот Праздник организовать со всей необоримой силой нашего кадетского Содружества!

Я ещё только пытался осмыслить, как это мой частный разговор с другом начинает приобретать общественный статус, а Пётр Берёзкин уже названивал в Екатеринбург, Москву и Питер, выходил на связь с тамошними отделениями нашего кадетского Содружества и озадачивал их по поводу нашей с ним придумки, и убедительно просил подключаться без раскачки к организации поездки поэта Бориса Нестеренко в город его суворовской юности, включая в эту поездку обязательное выступление с чтением кадетских стихов перед личным составом Суворовского училища. Создание Праздника началось! Запели приводные ремни, закрутились маховые колёса, зазвенели зубчатые шестерни – заработал мощный и слаженный механизм Суворовского сообщества и изготовил такой Праздник, который будет вспоминаться мною с теплом и благодарностью не один год. Пётр Берёзкин, Сергей Писаченко, Альберт Бобов, Коля Летов, Евгений Романов, Владимир Проскурнин, Юрий Rogozin, Михаил Чёрный и многие другие кадеты, о вкладе которых я просто не ведаю, совершили просто неподъёмное дело – за считанные дни договорились и с командованием Суворовского училища, и организовали вполне

профессиональную видеосъёмку, и обеспечили мне жилой угол и кусок хлеба с бужениной, изготовили, завизировали и прислали всевозможные Поздравительные адреса и подарочные раритеты. Это по официальной части, так сказать.

А ещё состоялась экскурсия по Училищу и визит в Музей Суворовского училища, где мне как бы ненароком показали хранящиеся там мои книги... Сразу же хочется отметить неподдельную симпатию ко мне и непоказное радушие сопровождавшего меня полковника Копылова Владимира Викторовича, совсем не должностную готовность помочь в организационных делах подполковника Кукарцева Алексея Михайловича и других членов администрации Училища, от Завклубом до Директора Музея. Но это, так сказать, лирика, предварительные ласки и рекогносцировка. Основное событие поджидало меня через день, потому что Командование Суворовского училища уже объявило о моей творческой встрече в Актовом зале, которая состоится 20 мая в 16 часов по местному времени. На встречу приглашались наряду с воспитанниками и мои друзья кадеты – ветераны, вход свободный.

И вот наступила пятница, и пришёл час «Ч». Я вошёл в Актовый зал с пакетом своих книг в одной руке и с распечаткой текста выступления в другой. Поднялся на сцену, проверил микрофон на трибуне и присел за стоящий рядом столик. Первые ряды кресел стали занимать подходящие ветераны-суворовцы, было несколько их жён и даже одна кадетская внучка. Стали подходить суворовцы, разумеется, организованно и строем, а у меня вдруг зачесались ладони на нервной почве: большинство суворовцев были неожиданно юны. Я готовил текст и подбирал стихи для несколько иной возрастной категории, и вносить коррективы в намеченный план мне пришлось уже по ходу выступления, что меня несколько сбивало, и что, вероятно, подметили внимательные слушатели. Но для меня лично выступление видится вполне удачным, если судить по бурным аплодисментам зала, сопровождавшим чтение каждого стихотворения. Я не собираюсь в этом очерке перечислять все прозвучавшие со сцены стихи, но два стихотворения я всё же приведу по причине их личной значимости для меня. Первым стихотворением я начал своё выступление, вероятно, довольно удачно прямо у микрофона заменив им в плане другое, не так точно подходившее для юной аудитории. А это стихотворение стало ключевым для всего моего дальнейшего выступления и настроило положительный контакт с моими слушателями и зрителями. Рассказав в нескольких фразах историю написания этого стихотворения, в частности, и про то, что написано оно в День 70-летия Св СВУ, я почувствовал со стороны моих слушателей некоторую доверительность и прочитал им

СТИХИ КАДЕТИКАМ

Я в класс вошёл, вспотев изрядно,
Светился Знак на пиджаке,
Стихов заветная тетрадка
Зажата плотно в кулаке.
Я так мечтал об этом часе,
Так его в мыслях рисовал,
И вот стою в кадетском классе,
Как на венчанье генерал.
Передо мной сидят кадеты
И ждут с надеждой и всерьёз,
Что я готовые ответы
На все вопросы их принёс.

Сидят кадеты – семилетки 13-ти неполных лет,
 И продолжают эти детки
 Писать историю кадет.
 Для них писал я свои книжки
 Про дружбу, мужество и честь,
 Для этих стриженных мальчишек
 Я так мечтал стихи прочесть!
 И вот свершилось – я приехал
 На встречу с юностью своей,
 А возраст дружбе не помеха,
 Да и «кадетка» - не музей.
 И мы ещё не экспонаты,
 Хоть и оставили следы,
 Пускай, частично мы пузаты
 И пусть местами мы седы.
 И я не гибок, и не строен,
 Но вам, мальчишки, поклонюсь.
 Поклона низкого достоин
 Любой, кто в бой пойдёт за Русь.
 Я вам, ребята, почитаю
 И про войну, и про любовь,
 Лишь по любви, от ран страдая,
 Отдать возможно свою кровь.
 Пускай, вы мне ещё по пояс,
 Но рядом с вами вижу я –
 Не вся пропита в людях совесть,
 И честь утрачена не вся.
 Нет, наш народ не вымирает,
 Да и России не конец,
 Когда погоны одевает
 Десятилетний сорванец!

Но было в моём выступлении ещё одно стихотворение, которое тоже вызвало бурную положительную реакцию зала. Дело в том, что в первом ряду сидел мой командир кадетской роты Анатолий Михайлович Логинов. И для меня было делом чести прочитать посвящённые ему строки! Мне даже не верилось в подобную возможность, но судьба оказалась щедра ко мне на подарки, и я, сказав несколько пояснительных слов, прочитал

ОФИЦЕРЫ СВУ

Мне майор Лисовский –
 Как пригляд отцовский,
 А подполковник Логинов –
 Мне как забота Родины!
 Полулюди – полубоги,
 Офицеры-педагоги,
 Жили, будто пели песню,
 Люди Долга, люди Чести.
 Настоящая элита,

А не та, что лыком шита,
Не карьерные штабисты –
Офицеры, коммунисты.
Благодарен я безмерно
Моим ротным офицерам,
Если я чего достиг –
Это всё стараньем их!

Зал встретил эти нехитрые строки бурными аплодисментами, перешедшими в овацию, когда Анатолий Михайлович встал со своего места. Издали было видно, что мой командир счастлив в эту минуту, но вот как я был счастлив – это не представить, не рассказать! За такую вот минутой можно и подальше Екатеринбурга поехать. И именно сцена с моим командиром говорит мне, что творческая встреча поэта Бориса Нестеренко с новым поколением суворовцев прошла удачно.

А через день, в воскресенье, 22 мая в Кадетском Клубе состоялся дружеский банкет, на котором в тёплой компании выпускников-ветеранов Суворовского училища я принимал вполне законные поздравления с 65-летием, слушал замечательные тосты в мою честь и принимал скромные, но очень дорогие для моей памяти подарки. Опять звучали мои стихи и песни на мои слова. Было сказано много добрых слов в мой адрес, я их постарался все запомнить и увёз домой, доброе слово всегда в хозяйстве пригодится!

А «заказанных» цыган и дрессированных медведей не было, зато рядом были мои друзья, большие, сильные и добрые, сами, как медведи! Я знаю, что на них всегда можно положиться, потому что мои друзья-кадеты – это самый дорогой дар, вручённый мне родным Свердловским Суворовским военным училищем. Спасибо вам, братцы, и низкий поклон за Праздник души, устроенный для меня и для всех нас, приехавшим и не приехавшим, но знающим моё творчество и чью поддержку я чувствую повседневно!

